

Борис МИЛОВЗОРОВ

ДИОКЛЕТИАН. ДОРОГА К ТРОНУ

Пролог

Эта история началась в 239 году нашей эры или в 992 году «аб урбе кондита», то есть от основания Города (Рима).

Далмация, императорская провинция, прильнувшая к правому плечу Италии и тихо спящая у прозрачных вод теплого Адриатического моря, долгое время считалась захолустьем, хотя с её берегов при хорошем ветре за день-два можно было достигнуть Италии. Её ленивый покой с севера хранили Мосорские горы, отгораживая от вечной мятежной Дакии, а с остальных сторон простирались другие римские провинции, редко служившие источником опасностей. Богатые и знатные римляне появлялись здесь в основном по долгу службы: на местных горных рудниках издревле добывалось золото, серебро и железо, а иногда и по капризу или случаю, но каждый неизменно влюблялся в хвойные леса, подступающие к самой кромке морского берега, укромные бухты и заливы, протяженные галечные пляжи. Почти на каждом пологом спуске под раскидистыми и кривоватыми соснами, рядом с могучими дубами, располагалось человеческое поселение: или деревушка местных иллирийцев, или городок греков и римлян. Богатые виллы и бедные домики то обильно покрывали собой пространство, то исчезали, прерываемые скалами, обрывами и густыми рощами. Здесь было всем сытно и покойно, каждому в меру собственного достатка. Сюда долго шли новости.

После убийства императора Александра Севера, последнего из славной династии Северов, Рим бурлил интригами, заговорами и убийствами. Пока первый из длинной череды «солдатских» императоров Максимин Фракиец воевал на границах империи, попутно беззастенчиво грабя имения богатых римлян, обиженная знать подняла антиправительственные мятежи в Риме и Африке. За один 238 год в междоусобной грызне полегли и сам Максимин, убитый своими солдатами, и его враги — четыре сенатских ставленника: Гордиан I, Гордиан II, Пупиен и Бальбин. Вакханалия остановилась после провозглашения императором 13-летнего Гордиана III, сына Гордиана II.

Все эти новости потрясали местное население, но никого не приводили в страх или трепет, Рим был могуч, но далёк. Когда сюда привозили очередной лист с копией столичной «Acta diurna Urbis», проходили недели от описываемых событий. Народ собирался на центральной площади возле афиши с газетой и тщательно вычитывал все заметки. Потом начинались долгие дискуссии вокруг политических новостей, отчетов о гладиаторских играх, свадьбах, казнях преступников. Попутно чудесным образом рождались подробности римских сплетен, происшествий, подробностей свадеб и любовных походов аристократов. Всё происходило чинно и неторопливо. В Далмации даже от смены императоров ничего не менялось, чиновники оставались на местах и бессовестно обворовывали государственные рудники, продавая на сторону «излишки» металла или присваивая часть платы за аренду рудников.

Иногда в городках и деревнях появились нагловатые сенаторские вольноотпущенники, подбирающие земли для своих хозяев: новые сенаторы, вознёсшиеся на вершины власти и богатства, строили себе шикарные поместья, а старые, ещё не потерявшие ни того, ни другого — обустроивали на случай опалы уютные убежища.

Небольшой городок Асплатос просторно раскинулся на пологом мысе, закрывающем обширную бухту. Единственная дорога охранялась скачущими римскими солдатами, игнорируя тот факт, что вокруг вились бесчисленные тропинки, убегающие к морю или в сосновые леса. Если бы враги появились, то они запросто смогли бы проникнуть в город, но врагов здесь давно не было. В этом тихом городе родился мальчик. Он благополучно пережил младенчество и скоро резво бежал по засыпанным сосновыми иглами скалистым берегам. Ничего примечательного в его детстве не было, разве что в пять лет умерла мама, но вряд ли это редкий случай, смертность в Римской империи всегда была высокой. Люди безвременно гибли от болезней, от голода, от бунтов и войн, но особенно много умирало детей, больше трети от рождённых младенцев.

Отец мальчика был человеком просвещённым, но в вопросах религиозных изысков не терпел, обращаясь к своим умершим предкам, он благодарил их за достаток и здоровье и просил благополучия себе и сыну. Он хотя и был по рождению греком, но к Зевсу относился равнодушно, древние греческие боги уже в те времена бесповоротно переходили в разряд сказочных героев: о них рассказывали истории, восхищались подвигами, но не поклонялись. После смерти жены он серьёзно взялся за воспитание и обучение сына. Большинство местных мальчишек ходили в школу к малограмотному хромому учителю — бывшему центуриону, а наш герой занимался под неусыпным контролем отца.

И был ему послушен.

Глава 1

Под смуглой кожей жгутами тянулись мышцы, веревками подергивались сухожилия. Маленький Докл, задрав голову и раскрыв рот, заворожено смотрел в единственный глаз, сверкающий внутренней, ныне угасающей силой. Пожилой, сутулый, но все равно огромный и молчаливый, скиф нависал над ним...

Уже неделю ватага мальчишек, таясь по кустам и оврагам, обсуждает слухи: в соседней роще, принадлежащей богатому римлянину, завелся страшный скиф. Он, решили они, поджидает хозяина, чтобы убить или еще хуже, взять в плен. Старшие ребята говорили своим родителям о жуткой опасности, но те лишь отмахивались от них. Значит, взрослым говорить бесполезно, они скифа не видят! Выходит, только дети могут выследить этого злобного скифа, защищенного волшебными чарами. Мальчишки несколько дней готовились: старательно выстругивали мечи и копья, плели из ивы щиты. И вот день настал. По сердцу прошёлся холодок, когда они дружно нырнули в рощу. Крепко сжимая в запотевших ручонках деревянное оружие, мальчишки, изредка перешептываясь, крались в загадочную глубину между деревьями. Почти сразу густые кроны спрятали голубизну неба, а тут ещё над ними повисла серым маревом внезапно налетевшая тучка. Без солнечных лучей мир потускнел, и каждый новый шаг невольно становился короче предыдущего, страх вился по ногам мальчуганов, сковывая мышцы, хватая за пятки и холодя кровь. Разговоры стихли, спины и колени пригибались всё ниже, ещё осторожнее раздвигались ветки кустарника. Никогда прежде не забирались они в эту рощу так далеко. Да, и что им здесь делать? Здесь не росли яблоки и абрикосы, зато жили вечно голодные комары и непуганые ящерики. Хорошо, что ковер из сосновых иголок заглушал шаги.

Поляна открылась перед ребятами неожиданно. Докл был мал и неопытен, поэтому машинально сделал несколько шагов и оказался вне прикрытия листвы и веток. Он застыл, наткнувшись взглядом на грубо сколоченный стол, за которым восседал смуглый человек. Он что-то сосредоточенно вырезал длинным ножиком. Докл, стараясь не дышать, попятился назад, но скиф, а это был, несомненно, он, поднял лицо. И увидел его! Мальчик вздрогнул, скиф неспешно отложил нож и поднялся из-за стола...

И вот теперь он высился над ним угловатой глыбой и темной тучей одновременно. Очень хотелось зажмуриться, но честь воина требовала встретить гибель прямым взглядом. Докл поднял к груди щит и выставил вперед меч из крепкого ясеня.

Скиф улыбнулся и заговорил:

— О! Очень впечатляет! — голос у него был негромкий, но вибрировал с необъятной, сдерживаемой в груди силой. Скиф присел на корточки. — Ты кто, малыш? Тебя как зовут?

В горле пересохло, липкий страх сбегал холодной струйкой между лопатками.

— Не хочешь говорить? Значит, ты пришел с войной, а не с миром?

— Да, потому что ты злой скиф!

— Понятно, — скиф поднялся. — Ты пришел освободить мир от зла. Похвально. Только посмотри, как я велик рядом с тобой, разве сможешь ты меня одолеть?

— А нас много!

— Да?! Неужели целая военная экспедиция? — скиф опять присел, с интересом рассматривая малыша. — И где же твои товарищи?

Докл ответить не успел, потому что услышал удаляющийся прочь шум ветвей и понял, что теперь он остался один. Ему должно было стать страшно, но упрямство и гордость превыше страха! Он напрягся: он постоит за свою короткую жизнь, меч его очень острый!

— Мальчик, а ты смелый, — человек медленно и с усилием распрямылся. — Ох, старость не радость. Что молчишь, боишься меня? Тогда беги вслед своим ненадежным друзьям и запомни на всю жизнь первое предательство.

— Я тебя не боюсь, скиф! — выкрикнул яростно мальчик.

— Вижу, молодец. Только я не скиф, а сармат и служу здесь своему господину

Ануллиану. Так как тебя зовут?

— Докл.

— А меня Келад.

— Так ты раб? — дошло вдруг до мальчишки.

— Да, я слуга своего господина.

— Нет, ты раб!

— Ну и что?

— Ты не свободен!

— Я?! — скиф развел большими руками. — Разве это не свобода? Видишь, деревья шумят, ветер гучку угонит, и мне вновь заулыбается солнце. Вон там, за дальним могучим дубом, бьет родник. А здесь, за моей спиной, среди орешника стоит моя хижина. Каждый день я сыт и занимаюсь тем, что мне нравится.

— Но ты не можешь уйти!

— А если я не хочу?

— Как это не хочешь?

— А так. Вот ты любишь своего отца?

— Да.

— А я люблю своего господина. Кстати, а как зовут твоего отца?

— Моего отца, — мальчик гордо вскинул голову, — зовут Пробус Ануллиан Валерий!

— Ануллиан? Так твой отец вольноотпущенник Ануллиана! — Келад задумчиво потёр подбородок. — Неужели такое необыкновенное совпадение?! Знал я раба своего господина по прозвищу Пробус честный. Был он хорошим и добрым малым, к тому же умным и красивым греком. Немудрено, что в него... — Скиф-сармат склонился, опершись руками на колени. — Чем занимается твой отец, смелый Докл?

— Он писец рудника.

— О, это важная должность, хотя... Докл, а маму твою как зовут?

— Мама моя умерла! — у мальчишки на глаза навернулись слёзы.

— Прости... — Келад выпрямился и скорбно покачал головой. — Вот что, Докл, скажи своему отцу, что я к нему приду сегодня вечером в гости.

— Ты?!

— Да, я.

— Разве рабы ходят в гости?

— Ну, всё! — разозлился вдруг Келад. — Марш домой, а то я схвачу тебя, за то, что бродишь здесь без разрешения!

Словно крылья раскрылись за спиной Докла. Он бежал сквозь густые заросли стремительным маленьким вихрем. В нём бурлила радость продолжения жизни, лишь чуть омрачённая странным разговором с одноглазым скифом. Впереди забрезжил свет, Докл остановился и отдышался. Сквозь ветки кустов виднеется ватага мальчишек, с надеждой вглядывающихся в рошу и растерянно поглядывающих друг на друга. В ушах всё еще звучали слова скифа: запомни первое предательство. Докл запомнил. Мимо своих неверных товарищей он прошёл медленно, не глядя в их сторону, словно их не было. Ему очень хотелось подбежать к ребятам и взахлёб рассказать о скифе-сармате, о том, что он вовсе не злой... Нет, про это не надо рассказывать, пусть боятся. И вообще, сегодня они провинились, и он будет молчать! Никто из ребят не решился подойти к нему, даже те, что постарше, они лишь провожали его пристыженными взглядами. Свернув за угол, Докл снял сандалии, взял их в руки и рванул домой к отцу. Вот кто его выслушает и похвалит!

Глава 2

Келад пришел к ужину, когда солнце еще светило, но не жгло. На нём была просторная туника — белая рубаха без рукавов, на ногах белые короткие штаны и красивые сандалии, украшенные бронзовыми бляшками на ремешках. Не каждый гражданин Рима мог позволить себе такую дорогую обувь. В длинных жилистых руках сармат держал большую корзину, накрытую полотном. Отец молча впустил гостя, не торопясь закрыл за ним дверь и после короткой паузы раскрыл объятия. Мужчины обнялись.

— Келад!

— Пробус!

— Я так рад тебя видеть!

— Я тоже!

Маленький Докл поглядывал на эту встречу из-за занавески таблички — кабинета, примыкающего по древним италийским традициям к атрию. Ему было несколько странно, что отец так тепло принимает раба, пусть даже такого сильного и страшного. Он видел, как отец водил сармата по дому, словно важного гостя и, поддерживая левой

рукой безупречно белую тогу, надетую сегодня, словно для торжественного случая, пропускал его впереди себя. Они прошли по короткому тенистому портику с тремя колоннами, ведущему в небольшой сад, усыпанный цветущими разноцветными бутонами роз, вернулись в атрий, посредине которого небольшой прямоугольный водосбор — имплювий — уже пару месяцев ожидал дождей. Рядом, на небольшом постаменте присел на деревянных ножках в виде львиных лап приземистый стол с толстой мраморной плитой, уставленный блюдами с овощами и фруктами. От стола к кухне и обратно бесшумно сновала рабыня, молодая черноволосая гречанка, но ни хозяин, ни гость не смотрели в её сторону. Непринужденно беседуя, они дошли до табнины и отдернули занавеску.

— Докл! — отец нахмурил брови. — Кажется, сейчас ты должен заниматься в своей комнате? Хочешь остаться без ужина?

— Я... — начал оправдания мальчик, но его прервал долговязый сармат, добродушно сверкая единственным глазом.

— Подожди, мой маленький друг, — он положил на его плечо огромную ладонь. — Пробус Валерий, — обратился он с пафосом к хозяину дома, — не гневайся на сына, он достоин снисхождения, так как проявил волю и смелость.

— Хорошо, Келад, только ради тебя, — отец перевел взгляд на сына. — Докл, завтра задание будет удвоено, ты понял?

— Да, отец, спасибо.

Сармат одобрительно кивнул.

— Пробус, извини, позволь поднести к нашей трапезе скромные дары?

— Да, Келад, почту за честь.

Сармат подхватил свою корзину у входа и поднес к столу. Из неё были извлечены финики и абрикосы, запечатанный кувшин, чаша с оливками, головка сыра и благоухающий каравай белого хлеба. Хлеб и кувшин остались на столе, а остальное вновь было погружено в корзину и вручено рабыне. После этого все чинно расположились на невысоких скамьях с мягкой узорчатой обивкой сидений. Пробус сначала прилёг, по римскому обычаю, но увидев понимающую усмешку Келада, махнул рукой и сел. Что касается Докла, то он сидел прямо и недвижимо, затаив дыхание. Для него вопроса, в каком положении кушать, не существовало: ясно, что удобнее есть сидя! Сармат, как добрый гость, внимательно осмотрел поданные кушанья, одобрительно покивал и громко заявил, что восхищён щедростью хозяина этого дома. Пробус широко заулыбался:

— Келад, вкусим же...

Он вдруг зашнурлся, так как из-за спины вынырнула гибкая девичья фигурка и невозмутимо принялась перегружать с подноса принесенные закуски, мужчины терпеливо молчали, а когда женщина удалилась, начали вдруг неудержимо хохотать, и им вторил тонкий голосок Докла. Он не знал, что так рассмешило отца и его гостя, но ему было весело и хорошо здесь, если бы не традиции, о которых часто твердил отец, то он с удовольствием бы пустился скакать через имплювий, хотя каждый раз за это ему попадало...

— Как зовут твою очаровательную гречанку?

— Гельпия.

— Хороша.

— Келад!

— Прости, но твой сын уже совсем мужчина!

Докл покраснел, потому что понял намёк. И как только этот сармат догадался, что он уже подсматривал за рабыней, когда она омывалась?! А мужчины, вновь посмеявшись, разлили по кубкам вино, долили в него воды и, кивнув друг другу, сделали по большому глотку.

— Друг мой, я очень рад, что судьба свела нас. Вижу, — сармат повел вокруг рукой, — что ты верен римским обычаям в большей степени, чем урожденные римляне. Дом твой достоин высокородного патриция...

— Да, если его увеличить раз в двенадцать! — усмехнулся Пробус.

— Пустяки! Вот, — сармат повёл огромной ладонью в сторону Докла, — твой сын сможет затмить любого патриция, если его сердце сохранит мужество и отвагу, данные людям при рождении богами. Я хочу выпить за то, чтобы Докл не растерял того, что уже имеет!

Они выпили.

— Ты слышишь, сын мой? Мой друг считает, что в тебе, как и в любом другом, уже есть то, что делает простых воинов императорами...

— Вот именно! Надо только захотеть... Смог же фракийский пастух стать могучим императором Максимином! — сармат вдруг помрачнел. — Я помню его, большой, сильный, глаза бешенные...

— Ты мне не рассказывал...

— Это он разбил нас, схватил меня полуживого и ещё три тысячи сарматов и отправил на невольничий рынок. Если бы не Корнелий Ануллиан, да благословят его боги, сгинул бы я на какой-нибудь вонючей гладиаторской арене, — он долил вина и, не разбавляя, отхлебнул. — Ох, хорошо. Ладно, не мне на судьбу жаловаться, Максимин уже давно в стране теней, скоро за ним и Филипп Араб отправится, это уж точно.

— Келад, — испуганно схватил его за руку Пробус, — не надо об этом.

— Да не бойся, друг мой, я вот ему, — сармат кивнул на мальчика, — хочу сказать, что Рим вечен, что он жесток, но справедлив. Хозяин мне говорил, что с него требуют огромные дополнительные выплаты на подготовку праздника в честь тысячелетия вечного города. И какова ирония судьбы: на троне восседает арабский выкормыш!

— Келад, — удивился Пробус, — откуда такие подробности?

— У хозяина в Риме свой хроникёр имеется, — сармат усмехнулся, — видно, редкий пройдоха. Отчёты присылает подробные и интересные, этакий ловкач, хозяин ему щедро платит.

— И ты допущен к таким отчётам?!

— А что такого? Ануллиан любит меня послушать, хотя, как и ты, иногда поругивает за резкость. А мне, рабу, чего бояться? Что вижу, о том и говорю. Ясно же, что Филиппа Араба солдаты долго терпеть не будут. Он чужак, к тому же чересчур горд, упрям и жаден... Ну вот и ты испугался! Ладно, ладно, друг мой дорогой, не буду больше, вино, видно, в голову ударило. Расскажи лучше о себе, сколько мы не виделись, лет семь?

— Больше, почти девять.

— Надо же, как время летит! — Келад многозначительно посмотрел на Докла, потом взглядом повел вокруг. — Счастлив полагать, что ты не бедствуешь, но сын твой обмолвился, что мама его умерла?

— Да, это так, — Пробус Валерий вздохнул. — Ты прав, друг мой, достаток у меня есть и положение, скорблю лишь о своей драгоценной супруге, Скантии Бласте. Его мать, — он кивнул в сторону застывшего в напряжённом внимании сына, — три года назад умерла, — Пробус смахнул слезу.

— Скорблю вместе с тобой, друг, — вздохнул сармат. — Она ведь знатного рода была женщина?

— По своему покойному мужу, Келад. Поэтому, когда она умерла, его родня как саранча налетела. У Скантии ведь и приличный дом в Риме был, и италийское поместье, и угодья. Её родня всё отобрала, я даже пикнуть не посмел, хорошо, хоть сына со мной оставили.

— Так ты сам всё это заработал?!

— Да, Келад, великим трудом и старанием, но прежде всего благодаря мудрости жены. После того, как она меня освободила, мы поженились и сюда приехали. Оказывается, здесь у Скантии был небольшой участок земли и маленький домик, она его сразу на мое имя записала. Мы с ней вместе наше гнёздышко устраивали, вот и Докла она здесь родила. Мы были счастливы, Келад. Скажи, почему счастье так быстротечно?

— Не знаю, друг, видимо, только боги могут быть вечно счастливы. Зато ты хотя бы познал счастье, большинству из людей оно неведомо.

— Правильно ты говоришь, — горестно кивнул отец Докла.

— Но человеку надо надеяться на лучшее.

— Да, надо. Я надеялся, когда вёз жену к римским врачам. Я думал, что эти напыщенные полугреки смогут ей помочь. До последней минуты я держал в руках её ладони, слушал её слабеющее дыхание и надеялся. После похорон Скантии, когда мы с сыном добрались сюда на последние деньги, я поначалу впал в отчаянье. Мне было не на что содержать дом! Видя моё бедственное положение, местный врач Аминта, тоже вольноотпущенник, предложил выкупить это маленькое поместье. Представляешь?! Последнюю память о былом счастье отобрать! Я Аминте всё объяснил и отказал, а он, добрый человек, не обиделся, пообещал помочь. Я его поблагодарил, ни на что не надеясь, проводил, а дальше что? Было при этом доме три раба для присмотра, так мне их кормить не на что стало. Пришлось продать. Какое-то время жил, а потом Аминта, я его теперь наравне с отцом почитаю, отрекотендовал меня бывшему управляющему железного рудника, тот и взял меня простым писцом. Никогда бы не подумал, что врач может быть бескорыстным! Ох, уж я старался! Прошёл разные должности, а недавно вверили мне заведовать всей канцелярией прокуратора рудников Далмации.

— Поздравляю! Важная должность.

— Спасибо. А вскоре вторая радость пришла: новым рудничным прокуратором назначили Корнелия Ануллиана! Я уже один раз лично докладывал ему бумаги, так хотелось броситься к нему в ноги за доброту, ведь когда-то он почти задаром уступил меня Скантии!

— Ничего, Пробус, ты ещё с ним не раз повидаетесь. Насколько я понимаю, он скоро сюда надолго переедет. Анний, самый младший из его сыновей, мне перед уходом в армию сказал, что отцу лучше из Рима уехать, беспокойно там. А ты молодец, из праха себя поднял! Докл! — сармат повернулся в сторону мальчика. — Твой отец великий человек, запомни это! Будь достоин его в своей будущей жизни. Знай, что не только род и деньги правят миром, есть шанс у сильных и умных...

— И удачливых! — добавил Пробус.

— Точно, без хорошей судьбы жизнь не построишь.

Возникла пауза.

— Прости меня, отец, — подал вдруг голос Докл. — Дозволь спросить твоего гостя.

Мужчины удивленно переглянулись.

— Спрашивай, сын, но будь учтивым.

— Скажи, Келад, а можно ли узнать, какая у человека будет судьба?

— Конечно можно. Ты вокруг смотри, запоминай, думай, сопоставляй. Жизнь, она всегда подсказки подбрасывает. Может, у тебя участь и великая будет, а может, и обыкновенная, ты, главное, помни, честь и слава превыше всего.

— Спасибо.

— Ох, Пробус, нравится мне твой малыш, дозволю с ним позаниматься.

— Чем же, Келад?

— О, я ему всё, что накопил, передам. Ты не смотри, что я раб сегодня, давай-ка я тебе расскажу, кем я был. Родился я в свободном городе Херсонес. Отец мой был зажиточным греческим купцом, а мать — третьей младшей дочерью вождя одного из сарматских родов. Деда моего убили на охоте, и после этого его младший брат, ставший вождём, рад был избавиться от последней незамужней дочери покойного брата, отдав её за греческого купца. Тем более, как я думаю, отец немало денег за неё предложил. Отец хотел из меня сделать наследника своих торговых дел, а потому сызмальства мне учителей нанимал. Помню, как не хотелось мне уроки зубрить, когда сверстники по улицам гонялись да в море купались, но не мог отца ослушаться. Строг он был. Так что к концу юности я, кроме обычных наук, изучил и латынь, и парфянский, немного арабский. Отец меня и к торговле привлекать стал, едва я из-за повозки выглядывать стал.

Келад вдруг замолчал, вздохнув, осушил свой кубок. Из-за занавески выскользнула рабыня и налила вина. Сармат усмехнулся и посмотрел ей вслед, его взгляд перехватил Пробус.

— Келад, что же ты прервал свой рассказ?

— Что, интересно? — спросил сармат, хитро сверкнув глазом.

— Очень! Продолжай, пожалуйста.

— Что ж, друг мой, изволь. Мой отец много чем занимался, но по-настоящему богател от торговли с сарматскими кожевенниками. Товар их и в Рим, и в Персию уходил и большую прибыль приносил. Мой отец, храни его память боги, хитрым торговцем был и, думаю, маму мою в жёны не только из-за её красоты взял. Потому никогда не запрещал матери навещать родное племя. В весенние месяцы, когда степи были полны сочной травы, я жил среди сарматов неделями, играл с местными мальчишками, слушал легенды и сказки. Мне больше нравилась бесшабашная сарматская удадь, чем занудное учение, и лишь непреклонная воля отца держала меня на учёной привязи. Наверное, я бы смирился со своей купеческой участью, но однажды отец не вернулся из Персии. Мы с мамой год его ожидали. Я как мог вёл дела, но разве ж мог я добиться успеха, если все мысли были отцом заняты. О, как я горевал и клял богов, как жаждал мести! Я нанял управителя грека, давнего друга отца, и ушёл наёмником в персидское войско в надежде что-то узнать о сгинувшем отце.

— Ты служил персам?

— Полгода всего, — махнул рукой Келад. — Ничего я о судьбе отца не узнал, более того, ясно понял, что никогда и не узнаю. Хорошо, в то время походов не было, я изнывал от тоски и скуки, а потому сбежал от персов и вернулся в Херсонес. Вот уж матушка рада была! Продали мы с ней всё и переехали в Танаис, к сарматам. Зажили мы привольно и счастливо, матушка уже невесту мне присматривала, как вдруг заболела лёгочной болезнью и увяла за несколько недель. И остался я один. Золота и камней было достаточно, но разве может быть их много для ветреного повесы? Меньше, чем за год, прокутил я состояние семейное и пошёл в сарматское войско. Там тоже было весело, гулял я по степям со свистом и гиканьем, покуда не пошли мы на Рим. Ну, а дальше ты знаешь. Так что сына твоего берусь обучить бою воинскому, езде верховой и уму-разуму, чтобы не хуже скифа был. Как, Докл, пойдёшь ко мне на учёбу?

— Пойду.

— Друг мой, твоё чадо жаждет знаний! Одобряешь?

Ладно, что с вами делать, — Пробус перевел взгляд на сына и строго нахмурил брови. — Только учти, Докл, занятия с Келадом не должны влиять на твою учёбу грамоте

и наукам. Ты обещаешь стараться?

— Да отец.

— Кстати, Келада, раз уж ты готов уделять моему сыну внимание, не поупражняешься ли с ним парфянским языком? Я думаю, это ему в будущем пригодится.

— Не сомневайся, друг, приложу все силы.

Вновь невесомой тенью мелькнула фигурка рабыни. Она взяла со стола несколько опустевших блюд и быстро что-то шепнула своему хозяину.

— Да, кстати, — встрепенулся тот, — уже три часа, как солнце село. Докл, не пора ли тебе отправляться спать?

Мальчик послушно встал, хотя в глазах набухли слёзы. Это заметил сармат.

— Подожди, строгий отец, пусть мальчишка поест, он же весь вечер сидит, раскрыв рот, ни кусочка в него не положив.

— Хорошо, Докл, поешь, но быстро! Келада, а мы с тобой должны ещё поесть и выпить! Разве не римляне мы?

Сармат криво усмехнулся.

— Я не римлянин, Пробус, но я с удовольствием выпью за тебя.

Мужчины выпили, закусили.

— Келада, скажи мне, почему ты не на свободе? Ты же воспитывал сыновей Ануллиана! Они выросли, ты вполне мог рассчитывать на свободу.

Сармат помрачнел и махнул рукой.

— Ты прав, Пробус, хозяин давал мне свободу, но я отказался.

— То есть как отказался?!

— А так! Вот ты ушёл куда? К своей любимой. А я куда пойду? Никого у меня на свете нет, кроме семьи Ануллиана.

— Но он же не гнал тебя от себя.

— Не гнал. Даже обещал, что обеспечит мою старость, но я всё равно отказался.

— Удивительно.

— Нет, друг мой, если подумать. Ну, вышел бы я на свободу и кем стал? Клиентом Ануллиана? Толпиться по утрам в общественной приёмной, умолять раба у порога впустить в атриум, тогда как сейчас это мой родной дом?! Торчать среди глупцов и лентяев в ожидании подачи и приглашения на обед? Прислуживать и пресмыкаться за кусок хлеба? Кланяться в ноги и целовать руку патрону? Ну, уж нет, лучше честно служить хозяину и оставаться рабом. Я сам выбрал свою судьбу, и в этом моя свобода. Моя жизнь уже позади, и я остаюсь с теми, кого люблю.

— Я тебя понимаю, — после некоторой паузы отозвался Пробус и вдруг вспомнил о сыне. — Докл, быстро в кровать! Гельпия! — тут же появилась рабыня. — Займись мальчиком и... — он чуть запнулся. — И тоже ложись, мы тут сами обойдемся. Так ведь, Келада?

— Так, друг! Наливай вина, бокалы высохли от жажды.

Глава 3

Докл застал Келада за тем же занятием, что и в прошлый раз: он что-то сосредоточенно вырезал, нависнув над столом. Увидев мальчика, он отложил инструменты и жестом пригласил к столу. Склоняющееся к вечеру солнце поблескивало на оголенных плечах сармата.

— Докл, можешь называть меня учитель, как это веками принято у греков. Ты ведь грек?

— Нет, я римлянин!

— Что ж, это тоже правильный ответ, — Келада принялся задумчиво перебирать инструмент. Здесь были несколько видов ножей и ножичков, пилочки, стамески и еще куча непонятных приспособлений. Сармат заметил внимание мальчика к столу: — Тебе интересно, что я делаю?

— Да, учитель.

— Смотри, я вырезаю фигурки из дерева. Вот лежащий бык, вот стремительный олень летит над степью...

— У него грива развевается! — восторженно воскликнул Докл.

— Это не грива, а рога!

— Ух ты! А это лев? — Докл взял в руки другую фигурку.

— Да. Он охотится на кабана. Видишь, какой лев большой и сильный?

— Он огромный, больше кабана!

— А вот этого зверя узнаешь?

— Нет.

— Это грифон. Их очень мало осталось, они жили в древности.

— Красиво, — Докл бережно ощупывал пальцами резные фигурки. — Учитель, а

ты их потом будешь раскрашивать?

— Нет, не буду.

— Но почему?!

— Я их отшлифую, потом обмажу глиной, она высохнет, и в неё можно будет влить бронзу, серебро или золото, как мой хозяин пожелает.

— Он тебя заставляет работать? — сочувственно спросил мальчик.

— Нет, я сам с превеликим удовольствием делаю это и восторгаюсь, когда получаю похвалу от моего владыки и друга. Труд человеческий бывает желанный и нежеланный, причём для разных людей одно и то же занятие может быть и радостью, и обузой. Счастлив тот, кто любит своё дело. Вот ты кем хочешь стать?

— Воином!

— Молодец! А ты знаешь, что солдатский труд очень тяжёлый и опасный?

— Конечно! Но воин может достичь славы своей доблестью!

— Похвально, — сармат улыбнулся и покачал головой. — А отец говорил, кем ты должен стать?

— Отец? — мальчик помрачнел. — Отец заставляет меня всё время заниматься. Говорит, что если я не буду образованным, то не достигну успеха. А зачем воину науки?!

— Докл, твой отец мудр, он не хочет, чтобы ты остался писцом.

— И я не хочу.

— А каким-нибудь важным прокуратором хочешь стать?

— Начальником воинов?

— Многих воинов, мальчик, очень многих.

— Хочу!

— Что ж, тогда я тебе помогу пройти путь воина, без этого в Риме нет карьеры, — сармат посмотрел в широко раскрытые глаза мальчика и улыбнулся. — Ничего, потом мои слова поймёшь, а пока ещё раз спрошу: готов ли ты испытать лишения и трудности, не хныкать и не юлить на пути к солдатской жизни?

— Готов, учитель!

— Тогда скажи мне, какие качества нужны воину?

— Сила!

— Правильно, а ещё?

— Ловкость!

— Молодец! Может быть, предложишь ещё что-нибудь? — Мальчик задумался, в голову, как назло, ничего не приходило. — Ум! Ты забыл об уме и навыках, — сармат встал и поманил за собой. — Запомни, Докл, сильный и ловкий мужчина может стать хорошим солдатом, но стать знатным и славным полководцем способен только умный и знающий. В наши времена и достойный может сгинуть во время какого-нибудь заговора. Ты же не хочешь погибнуть зря?

— Нет!

— Тогда пойдём.

Они прошли мимо рабочего стола, минули хижину Келада, по тропинке прошли через перелесок и вышли на небольшую поляну, со всех сторон огороженную высокими деревьями. Докл удивлённо осматривался. Редкие пожухлые островки травы печально пробивались сквозь утоптаный песок, кругом лежали бревна, камни и разномастные поленья.

— Вот, мой юный друг, твой гимнастический зал. Здесь занимался младший сын моего хозяина и, так же как и ты, называл меня учителем. Так что не гнушайся простой науки, снимай сандалии и надевай вот эти колодки.

Докл только теперь увидел прямо перед собой массивные сандалии из монолитного куска дерева. Он разулся, безропотно вставил в них ступни и поморщился: грубая, плохо выделанная кожа ремней безжалостно вьелась в его нежные ноги. Сармат указал на массивный кусок бруса перед своим учеником.

— Вот твой первый урок, ученик: поднимайся на брус и спускайся с него, пока твои ноги тебя держат, а потом ещё чуть-чуть.

Докл поставил ногу на бревно. Ничего страшного, тяжело, но выполнимо. Он перенёс тяжесть тела на левую ногу и потянул вверх правую, одновременно вставая на брус. Получилось, теперь назад. Уже на пятый раз он почувствовал, как неумолимо увеличивается тяжесть груза на ногах, как всё глубже впиваются в него кожаные ремни, но, закусив губу, продолжал занятия, тем более что единственный глаз учителя посматривал на него с явным одобрением.

Келад кивнул и удалился, а мальчик, обливаясь потом и морщась от боли, продолжал ворочать свои деревянные колодки. Он сбился со счёта времени, когда услышал тяжёлые шаги учителя, тот нёс большую лохань, из которой валил пахучий пар.

— Молодец, Докл, достаточно, — он осторожно опустил свою ногу. — Подожди, дай-ка я тебе помогу, — сармат как пушинку подхватил ученика, выдернул его ноги из-

под грубых ремней. Мальчик вскрикнул. — Терпи, дружок, и запомни, теперь ко мне будешь приходить только босиком. В любую погоду! Понял?

— Да, учитель.

— Отлично, а теперь опускай ноги в воду. Тепло? Сиди, ноги надо пропарить. Запомни, Докл, ноги и руки воина — орудия, они должны быть выносливыми и надёжными, — Келад сдернул с плеча плотную накидку и укутал мальчика. — Хорошо?

— Да, — еле слышно отозвался Докл. Боль истёртых в кровь ног растворилась в тепле и неге, сразу же захотелось спать.

— Нет, мальчик мой, спать не надо, спать будешь дома, а сейчас, пока твои ноги наслаждаются покоем, ум твой должен бодрствовать. Представь себе, что ты совершил дальний переход, устал, тебя клонит в сон, но ведь где-то рядом враги! Разве можно спать?

— Нет, учитель.

— Мальчик мой, ты находишься в шатре, ты наспех поужинал, не снимая доспехов, тело ноет от усталости, но ум твой трезв и холоден. Он просчитывает, все ли посты выставлены, назначен ли паром твой караульным, а ещё надо продумать завтрашнюю битву. Теперь ты хоть немного понимаешь, как тяжело быть командиром?

— Да, учитель.

— Молодец. Чтобы развлечь тебя, я расскажу одну сарматскую притчу о глупости, жадности и предательстве. Давным-давно, в стародавние времена, когда сарматы были могучи и непобедимы, и греки звали их скифами, правил ими царь Мидий. Он был смел и неустрашим при нём его войско прошло по всем восточным землям вплоть до Египта. Реки крови были пролиты, много золота и добра захвачено, множество подвигов совершено. Но союзники скифского царя, мидийцы, посчитали, что слишком мала их доля сокровищ и власти и решились на предательство. Мидийский царь Киаксар сообщил, что затевает новый поход, и позвал скифских вождей для обсуждения планов войны, а потом на богатый пир, где будут для послов скифских великие дары. А надо сказать, что, кроме войны и добычи, скифы любили пиры и вино и подарки любили. Собрались они и постановили: к царю Киаксару надо послов слать. Но кого? Возникло среди вождей недоверие и жадность, никто не хотел оставаться в лагере, боялись подарки пропустить. И поехали все вожди. На пиру скифские вожди напились, стали беспомощны, как дети, и приказал Киаксар убить их. А потом поднял своё войско и пошёл на спящий скифский лагерь. Много скифов полегло в тот день, и все их сокровища перешли к победителям. Память об этом хранит мой народ много веков, потому что жадность и пьянство сродни глупости, а зависть — источник предательства.

Как ни крепился Докл, но сон его сморил. Келад подхватил его и отнёс к себе в хижину, а сам вернулся к своим инструментам. Он кропотливо работал, и с его губ не сходила добрая улыбка.

Глава 4

Много дней Докл укреплял свои ноги. Он уже не шагал, а подпрыгивал в тяжёлых колодках, и раны от ремней зажили. Теперь, когда мальчик бежал через рощу к своему учителю, ветки и камни ему были не страшны. И это ему нравилось! Ему было приятно ощущать, как наливаются силой его тело. Теперь он и дома с удовольствием делал разные упражнения: подтягивался на ветке старой яблони в саду, до боли в мышцах живота поднимал ноги, отжимался от пола. Докл даже хотел ходить по дому в колодках, но отец запретил. Счастьем наполнялись дни, в которых он заслуживал одобрение или похвалу сармата. А какой тот был выдумщик! Учитель почти каждый раз придумывал что-нибудь интересное. Вчера, например, Докл застал Келада сидящим на пенёчке. Тот держал правой рукой необычное приспособление: в песок была воткнута палка орешника с привязанным на высоте метра тупым копьём. «Бери щит и меч, защищайся», — сказал он и принялся тыкать в него копьём. Оно, словно живое, извивалось на гибком орешнике и то и дело пробивало защиту мальчика: деревянный меч и плетеный щит. Сегодня утром ученик увидел на теле бесчисленные ссадины и синяки от жалящего куска дерева, но боль лишь подстёгивала самолюбие.

Докл выбежал к рабочему столу Келада и остановился. Инструменты и деревянные заготовки лежали на месте, но их хозяин отсутствовал. Первый раз за всё время занятий.

— Учитель! — крикнул он.

— Докл! — донеслось из хижины сармата. — Заходи ко мне.

Мальчик вошёл в полутёмное жилище сармата. До этого он дальше небольшой комнатки с широкой скамьёй не был. Он оживал увидеть нищету, но едва глаза привыкли после яркого света к сумраку, Докл изумлённо замер. В невзрачной с виду хижине были деревянные полы, покрытые красивыми вязаными ковриками, в левом дальнем

углу стояла просторная кровать с вензелями и позолотой, за нею маленький столик со светильником, а выше большая полка с множеством свитков. Даже у отца столько не было.

— Ну, чего застыл, ученик? — Келад, полулежащий на кровати, вдруг закашлялся. Припал к кружке, от которой поднимался пар. Отхлебнул. Улыбнулся. — Садись на табурет.... Нет! Ближе не переставляй, сиди там, у ног. Болезнь, она около головы и сердца бродит, если близко не лезть, не достанет.

— Прости, учитель, я не понял, что ты сказал?

— Заболел я, Докл. Кашляю. Жар. Вот пью отвар редьки и мёда. Хозяин говорит, врача приведу, да я лучше любого врача в травах понимаю... А ты, мальчик мой, запомни, если хочешь сохранить здоровье, не лезь без особой надобности к больному, на то врачи есть. Те, кто излишне жалостлив, быстрее заболеют. Ну да ладно. Хотел я тебя отправить домой, не до занятий сегодня, но скучно, поэтому расскажу тебе легенду скифскую. Интересно?

— Да, да!

— Тогда слушай. Это притча о дружбе и верности.

В древние и славные времена, если скифы сильно дружили, то могли стать названными братьями. Они надрезали ладони, капали кровью в кубок с вином и выпивали. Было в одном роду два таких верных друга, которые побратались, и звали их Амизок и Дандамид. Жили они, не тужили, но неожиданно напали враги на их землю, тоже скифы, но другого рода — савроматы, убивали, грабили и пленили множество людей. Среди пленных оказался и Амизок. Надели на него оковы и повели, и от бессилия воззвал он к своему побратиму. А тот в овраге недалеко скрывался. Услышав отчаянный зов названного брата, Дандамид вскочил на коня и ринулся наверх, прямо к вражескому войску. Хотели его из лука подстрелить, копьём пронзить, но он зычно закричал: «Зирин! Зирин!» — и опустили стрелы и копья. По древнему скифскому обычаю, того, кто произнёс это слово, убивать нельзя, так как означало оно, что воин явился для выкупа пленных. Попросил Дандамид вождя савроматов отдать побратима.

— Что дашь ты за него? — спросил тот.

— Ничего у меня нет, вождь, — ответил Дандамид, — возьми меня вместо брата.

— Ну, нет! — ответил вождь. — Ты крикнул слово «зирин», не могу я тебя обменять целиком, а вот на часть твоего тела обменяю.

— Что же ты возьмёшь в уплату?

— Отдай свои глаза! — сказал вождь савроматов. И зло усмехнулся. Он думал, что Дандамид уйдёт, но тот молча достал кинжал и, не колеблясь, ослепил себя. Бросил он свои очи в сторону вождя.

— Тот ли ты получил выкуп? — спросил он, обливаясь кровью.

— Да! — хрипло от волнения и изумления отозвался вождь.

— Отдай мне брата!

— Забирай!

И ушли Амизок и Дандамид обратно, а савроматы, поражённые доблестью небывалой дружбы, бросили пленных и ускакали. И возрадовался народ, и был праздник, но в ту же ночь Амизок, чтобы во всем быть равным побратиму, ослепил себя. И долго еще оба слепца жили в почете среди скифов.

Келад замолчал, а Докл застыл в немом почтении к невероятной дружбе древних скифов. Ему было до слёз жаль героев притчи.

— Что, удивлён?

— Да, учитель. Жалко мне братьев.

— Но они спасли свой род от дальнейших бедствий! Это ли не цель жизни воина?!

— Да, это так, учитель.

— Ладно, слушай тогда ещё одну историю, о воинской хитрости.

Скифы всегда были вольнолюбивы и независимы. Это очень не нравилось персам. Их цари не раз ходили в скифские земли, но всегда возвращались без победы. И вот однажды царь персидский Дарий собрал огромное войско, переправился через Босфор и двинулся к Дунаю. Там уже были наведены постоянные мосты. Узнав о вторжении в их пределы персидского войска, все скифские роды объединились, избрали себе на время бедствий царя, но всё равно скифских воинов было гораздо меньше, чем персидских. Думали скифы, думали и решили пока с персами в битву не вступать. Стали они вокруг врагов кружить, мелкими стычками изнурять. Войско Дария огромное, неповоротливое, только с места сдвинется, а скифы на их пути уж всю траву выжгли и колодцы засыпали. Стали персы страдать от жажды, а кони их от голода. Много дней так продолжалось: ходит Дарий по скифским землям и ничего не находит, у войска его силы тают, воины ропщут. Одна надежда у царя осталась — дать решающую битву. И посылает он царю скифскому Иданфирсу гонца со словами: «Или бейся, или сдавайся!» А тот ему отвечает: «Нет у нас ни городов, ни земель пахотных, разорения коих

стоит бояться. За что же мне биться? Вот если найдёшь могилы отеческие и надругаешься над ними, тогда познаешь силу нашего гнева». И продолжали скифы изводить персов. Теперь они не давали им покоя даже ночью в лагере, пробирались тихо, резали или брали в плен. Каждую ночь кто-нибудь пропадал или найден был мёртвым. Ужас и уныние охватило войско. Персидская конница по приказу Дария пыталась разбить скифские отряды, но те выманивали их подальше и мгновенно уничтожали, налетая смертельным вихрем. Страх объял и персидских всадников.

Дарий, не знавший никогда поражений, мрачнел день ото дня. Но настал долгожданный час: пришло известие, что всё войско скифское построилось для решающей битвы. Персидское войско тоже построилось, но с ужасом ждало гибели от ужасных и коварных скифов. И вдруг между копытами скифской коней проскочил заяц и понёсся в испуге прочь. И все скифы тут же ринулись вслед, оставив перед изумлёнными персами пустое вытоптанное поле.

Келада закашлялся и опять приник к кружке с целебным напитком.

— Кто знает, — произнёс он слабеющим голосом, — был ли тот заяц выпущен хитроумным скифом или случайно между армиями пробежал, только никто так не унижал прежде могучих и воинственных персов. Дарий в ту же ночь бросил раненных и слабых в своём лагере, а с остальным войском ушёл из страны скифов. — Келада тяжело вздохнул. — Ты иди, Докл, надо мне поспать. Через три дня приходи, будем из лука учиться стрелять.

— Из лука?! — обрадовано переспросил мальчик.

— Да. Я научу тебя стрелять, как персы. Они великие лучники, лучшие в мире. Ступай.

— Чем я могу помочь тебе, учитель?

— Всё у меня есть, спасибо. А ты помолись своим предкам, ученик, пусть они помогут мне окончить твоё учение.

Глава 5

— Келада, что ты сделал с моим единственным сыном?

— Ну, единственным, судя по округлившимся формам Гельпии, он будет недолго, — глаз сармата хитро прищурился. — Скажи, Пробус, когда ждёшь прибавления семейства?

— Келада, от тебя ничего не скроешь.

Они посмеялись и выпили вина. Солнце давным-давно нырнуло за гряду невысоких гор, вытолкнув вместо себя яркую чашу луны, и теперь ночное светило лило свет через проём агрия, накидывая голубоватую вуаль на желтые огни светильников, а друзья всё сидели, вернее, полулежали за обеденным столом. Есть не хотелось, зато ночь и неразбавленное водой вино придавало беседе невероятное очарование, прерывать которое никак не хотелось.

— Келада! — Пробус Валерий кинул в рот виноградинку. — Ты не ответил на мой вопрос.

— А почему ты вдруг об этом спрашиваешь?

— Потому, что Докл ни о чём, кроме твоего обучения, говорить не хочет.

— И что же в этом плохого, друг? Я ведь всего лишь ваятель, я из твоего сына убрал всё лишнее и вытесал контуры будущего великого воина, — Сармат сделал большой глоток вина. — В твоём сыне он внутри, я ему всего лишь показал путь наружу.

— Вот именно, и теперь Докл просится в армию!

— Рано! — отрезал Келада. — Через год можно.

— Через год?! Ему же всего семнадцать будет!

— Ничего, самый хороший возраст для начала карьеры. Персы с пяти лет своих воинов воспитывают.

— Ну и что? Наши легионы их всё равно бьют.

Сармат, выслушав, усмехнулся.

— Это точно, *ваши* легионы многих бьют, и персам достаётся. Только сколько веков уже? Могла ли великим римским легионам противостоять необученная, трусливая армия?

— Ты прав, Келада, не могла. Но я думал, что сын мой станет моей опорой, найдёт хорошее место, где сможет применить свои знания...

— А умения? Он талантливый воин!

— Ох, друг мой, знал бы я, к чему твоя учёба приведёт, не позволил бы...

— Пробус, что ты причитаешь? Спасибо мне должен сказать, что сыну твоему самостоятельную дорогу открыл. У тебя ведь скоро ребёнок будет, вот и наслаждайся.

— Да, это верно, — лицо Пробуса расплылось в улыбке. — Но я люблю Докла.

— Ну, и люби на здоровье... Кстати, надо еще выпить за наше с тобой здоровье.

Они подняли бокалы.

— Нет, нехорошо получается, я же не хочу...

— Конечно, не хочешь! Ты ведь желаешь сыну великой судьбы?

— А с чего ты взял...

— Ни с чего, просто он мне нравится, и я в него верю. И ты верь.

— Я верю, но так тревожно на границах. Дакия наполовину отпала, полчища готов чуть ли не у северного подножья хребта рыщут, великий Рим в трещинах, друг мой.

— Эка невидаль, разве раньше не было трещин в этой великой империи? Мы вот часто говорим: боги виноваты...

— Да, Келада, — Пробус понизил голос до шёпота и наклонился поближе, — Гельпия мне тут рассказывала о христианах.

— И что? Неужто она с этими малохольными связалась?!

— Да не знаю я, — Пробус огорчённо махнул рукой. — Она всё молчит и молчит.

— А ты прикажи! Ты же господин.

— Не могу, люблю я её.

— То есть приказать, если любишь, нельзя?

— Получается, что нельзя, — Пробус виновато вздохнул.

— А другу? — хитро прищурил глаз сармат.

— Что другу?

— Другу приказать можно?

— Я думаю, другу приказать можно, Келада, — Пробус отхлебнул вина. — Можно даже на смерть послать.

— Да, — задумчиво поддакнул сармат, — друга можно.

Доклу, тихо сидящему за занавеской таблички, эта беседа о любви и дружбе врезалась в память. Бывает так, вдруг отчётливо понимаешь, что по непонятным причинам некое событие или слово оседает в твою память на всю жизнь.

Сармат озадаченно почесал затылок.

— Ладно, так что там Гельпия?

— Говорит, люди на этом свете должны страдать.

— Так они и так страдают!

— Нет, если страдать во славу их господина, то на том свете благодать будет.

— Слушай, друг, ты уж лучше молчи. Боги, они, конечно, боги, только судьба, она и от самого человека зависит. Разве не сами люди повинны в бедах своих?

— Ну, ты скажешь! А если вдруг сюда нагрянет орда германская? Сожжёт всё, ограбит, народа здешнего сколько погубит. За что же людям такое?

— А вот про это я ничего не знаю. Может быть, поклонники этого иудея в чём-то и правы. Но в Докла твоего я верю, талантливый он, сильный и умный. Такое нечасто в одном человеке вместе бывает. Ты вот что, не отговаривай сына от армии, только зря с ним отношения испортишь. Я тут с господином своим о нём говорил...

— С самим Корнелием Ануллианом?!

— Да.

— Спасибо тебе, друг.

— Да я твоего сына, как своего, люблю!

— Давай за дружбу?

— Давай.

Кувшин пополнил бокалы, а вино подбавило жара в разгорячённые головы.

— Келада, так что же твой господин сказал?

— Сказал, что его сын и мой воспитанник Анний Ануллиан на днях прибудет в наш город. Он направляется из Рима во Фракию в легион, наконец-то его отец добился для него белой туники с красной полоской!

Лицо сармата сияло такой гордостью и обожанием, что у Докла в груди кольнуло ревностью, впрочем, лишь на один миг. Больше его восхитила новость о тунике с красной полоской. Он с сарматом изучал устройство римской армии и знал, что в легионе десять когорт, что командиры когорт — трибуны, но только пять из них имеют всаднический статус, о котором солдат мог лишь несбыточно мечтать.

— Не понимаю, — помотал головой Пробус. — Анний и так по рождению патриций, в его роду были даже консулы, зачем ему этот, по сути, более низкий статус?

— Ну, и вопросы ты задаёшь, — Келада задумался. — Наверное, Анний хочет стать сенатором?

— Для этого не нужна армия.

— И то верно, — Келада наклонился к другу поближе и прошептал: — А может, он императором хочет стать? Ныне без преданных солдат аристократ сирота, а где можно завоевать их преданность, как не в бою?

Пробус поднял кубок.

— Пусть ему боги помогут!

- Пусть помогут.
Друзья дружно выпили
- Келада, ты сказал, Анний во Фракию едет?
- Да, там стоит лагерем его легион. Господин сказал, что рядом с местом слияния Тисы и Дуная, — сармат вздохнул и мечтательно возвёл глаза к потолку атрия. — Это недалеко от моих родных мест.
- Келада, но там же опасно! Дакия взбунтовалась, как раз рядом!
- Сармат расхохотался.
- Пробус, ты и впрямь хочешь от меня услышать, почему армия находится там, где в ней нуждаются?
- Ой, действительно! — Пробус махнул рукой и засмеялся. — Ты прав, это же армия, а не канцелярия прокуратора.
- Сармат вдруг резко встал, чуть качнулся.
- Позволь, друг, попрощаться с тобой, поздно уже, — он многозначительно кивнул в сторону таблички и нарочито громко добавил. — Всем спать уже пора.
- Дока, сидя за занавеской, покраснел, он понял, что Келада давно раскрыл его тайное присутствие. Ему стало стыдно. Хорошо, что отец намёка не понял и повёл гостя к выходу. Самое время юркнуть к себе в спальню.
- Наутро отец вышел к завтраку поздно, с хмурым и слегка опухшим лицом.
- Доброе утро, отец.
- Доброе, — хриловато отозвался тот и, побряхтев, возлёг на скамью. — Ты уже поел?
- Нет, ждал тебя.
- А если бы я до обеда проспал, голодный бы остался? — Докла растерянно молчал, не зная, что отвечать. — Присоединяйся, сын, — усмехнулся отец, — а то время завтрака пройдёт.
- На столе с ночного ужина оставались фрукты, овощи, оливки и хлеб. Из свежих продуктов появился свежий сыр и кувшин молока. Есть Доклу хотелось, поэтому он с удовольствием налил кружку молока, отломил кусок сыра, взял в руку увесистый кусок хлеба.
- Отец лениво что-то жевал и посматривал на сына.
- Докла, а почему ты ешь сидя?
- Отец, мне так удобно.
- Никаких удобств! Ты должен привыкать к римским обычаям!
- Отец, но ведь в армии солдаты едят сидя.
- Зато их командиры вкушают пищу в отдельных палатках на удобных диванах. Я бы хотел, чтобы ты ориентировался на это будущее, а не на солдатскую жизнь.
- Отец! — вскрикнул радостно Докла. — Ты отпускаешь меня?!
- Да. Я этой ночью много размышлял и решил не мешать твоей военной карьере. Ты ведь этого хочешь?
- Да, только в армию.
- И что там, мёдом намазано?
- Не знаю, отец, но я хочу чего-то достичь в этой жизни, а без армии это невозможно.
- Что ж, возможно, вы с Келадой правы. Твой учитель вчера за ужином рассказал, что просил за тебя перед своим хозяином. Корнелий Ануллиан милостиво пообещал показать тебя своему сыну. Он скоро должен...
- Спасибо, отец! — не стерпел от избытка эмоций сын. — Можно я год ждать не буду? Вдруг меня Анний Ануллиан сразу с собой возьмёт? Я так хочу... — Докла замолчал, наткнувшись на недоумённый взгляд отца. Он понял, что наговорил лишнего. Отец озадаченно потер глаза, виски, поставил кружку и встал.
- Сын, там посмотрим, — неожиданно миролюбиво сказал он. — Ты пока занимайся... Кстати, ты Гельпию не видел?
- Докла улыбнулся.
- Гельпия с утра воспитывает новую прислугу в саду. Отец, у неё неплохо получается быть хозяйкой.
- Спасибо, сын. Найди её, пусть придёт ко мне.
- Хорошо.

Анний Ануллиан прибыл через два дня, а ещё через два за Доклом пришёл Келада. Они пошли таким знакомым путём, миновали тренировочную поляну и ступили на уютную тропинку, петляющую среди деревьев. Очень скоро она привела на холм, с которого просматривалась бухта. По самой его вершине проходила дорога из желтого песчаника. Докла о ней знал, но дальше самого холма никогда не ходил, а теперь он со своим учителем шёл в неизвестность, полную надежд. Роцца кончилась, вдоль дороги в строгом карауле встали стройные кипарисы, от их холодной красоты в сердце впол-

зала робость. Постепенно дорога плавно спустилась вниз, всё сильнее поворачивая в сторону моря. Примерно через три стадии кипарисы также внезапно, как и появились, исчезли, теперь дорогу с двух сторон подпирали каменистые склоны. Ещё несколько поворотов, и Докл застыл в немом изумлении. Перед ним раскинулась бескрайняя сияющая гладь, пахнуло морской свежестью. Келад остановился рядом.

— Что, красиво?

— Очень.

— То ли ещё будет.

— Скажи, учитель, что я должен делать сегодня?

— Ничего, что можно было бы расценить как хвастовство или глупость. Пойдём ученик, время и судьба ждать не будут.

Докл никогда ещё не бывал в имении настоящего римского аристократа. В Далмации немало богатых иллирийцев и зажиточных греков, их солидные дома присутствовали в каждом городке, мальчишкой он не раз участвовал в набегах на их яблоневые сады, и то, что там видел, представлялось ему верхом роскоши. Однако то, что представало перед ним в имении Ануллианов, повергло его в шок и смятение.

Поместье находилось в широкой расщелине между береговыми скалами и вместо внешнего забора было окружено портиками. Докл машинально принялся пересчитывать колонны, но сбился со счёта. Вместо имплювия посредине гигантского агриума расположился длинный бассейн с мерцающей сквозь прозрачную воду мозаикой. Дорожки тщательно выметены, кусты вдоль них идеальной прямоугольной формы, трава пострижена. Во всём виделся вкус, богатство и гармония. В дальнем правом углу портика он заметил группу людей в тогах. Кто-то расхаживал важно между колонн и статуй, кто-то сидел на мраморных скамьях.

— Жди здесь! — сказал Келад.

Докл остановился посредине дорожки. Его сердце с каждым мгновением билось быстрее и быстрее. Он волновался и страшился предстоящего разговора, вдруг все эти вельможи будут смеяться над ним? От этой мысли брови его сердито сдвинулись, нет, он не позволит себя унизить! И ещё он вдруг понял, что ему не нравятся эти напыщенные люди. Отсюда, почти в полстадии расстояния, он не различал лиц, но хорошо видел нарочитую вычурность жестов, вальяжность походки. От них веяло презрением ко всем, кто не в белоснежных тогах. Келад подошёл к самому портику и опустился на колени. На него никто не обратил внимания, лишь один человек легким стремительным шагом подошёл, взяв под локоть, поднял, и они вместе по портику пошли в его сторону. Докл взглядывался в спутника Келада. Молод, ненамного старше него, хорошо сложен, хотя пониже ростом, походка бодрая, лицо благородное, приятное, без налёта надменности, свойственной зрелости.

Келад и Анний остановились, учитель поманил Докла. Он подошёл, поклонился. Здесь под сводами воздух был прохладен и свеж.

— Аве, благородный господин.

— И тебе Аве, молодой ученик моего учителя. Подойди ближе, — говоря это, Анний сел на скамью у стены, а долговязый Келад молчаливо встал рядом. Докл понял, что теперь всё зависит от него. — Келад хвалит тебя, — со значением сказал Анний, внимательно всматриваясь в юношу. — Учитель неплохо над тобой поработал, у тебя плечи, руки и ноги воина. Это то, что поддаётся тренировкам, а как насчёт ума и сердца?

Докл растерялся, хотя вида не подал. Надо было что-то отвечать! Но что?!

— Для ума я изучал науки и языки, а сердце моё любит Рим.

— Хороший ответ, — Анний кивнул, а Келад едва заметно улыбнулся. — Наукам тебя кто учил?

— Отец.

— Каких мудрецов считаешь?

— Плутарха, господин.

— Да? И почему?

— Он пишет о войне и воинах, я много раз перечитывал.

— Так, а что ещё читал?

— «Естественную историю» Плиния Старшего.

— Все тридцать семь книг?!

— Нет, у отца только тридцать три, — Анний переглянулся с Келадом, тот слегка пожал плечами. — Ну хорошо, и как тебе Плиний?

— Занимательно.

— Ты мне нравишься юноша всё больше и больше. А скажи, как ты относишься к философам?

— Никак. Отец не разрешал мне их читать.

— Он мудрый человек. А во что ты веришь?

— В Рим и в могучего Юпитера.
 — Хорошо, последний вопрос. Твой отец, Докл, занимает хорошую должность, ты образован, здоров, а солдатская служба трудна и опасна, зачем тебе армия?

Докл ответил сразу, без запинки:

— Хочу заслужить честь и славу!

— Достойное желание. Я вижу, что ты готов к службе и телом и духом, я готов взять тебя под своё покровительство.

— Спасибо, благородный господин! — едва сдерживая восторг, ответил Докл.

— Подожди, посмотрим, поблагодаришь ли ты меня через четыре месяца, — Анний взглянул на Келада. — Если не передумает, приведёшь юношу через три дня. Утром,

— Анний встал, кивнул Доклу. — Кстати, твоё слишком греческое имя коробит слух. Если хочешь моей дружбы...

Анний Ануллиан многозначительно замолчал. Докл не удивился, такое случалось в Риме: господин мог поменять имя отпущенному на свободу рабу, вельможа — изменить имя слуги, клиента или понравившегося ему человека, но всегда требовалось добровольное согласие... Докл никогда не слышал, чтобы кто-то отказался от подобного предложения, потому что смена имени означала гарантию будущего покровительства. Сердце радостно дрогнуло, он склонил голову...

— Каким именем изволишь меня назвать, благородный господин?

Анний довольно улыбнулся, видимо, роль покровителя была для него в новинку.

— Диокл. Так гораздо лучше, и тебе нетрудно будет привыкнуть.

Глава 6

Анний Ануллиан двигался к месту своей службы с обозом из трёх крытых повозок и коляски, мало от них отличающейся, разве что материал паланкина был желто-линялым, а не грязно-серым. Путешественников охраняли восемь скутариев — конных легионеров, четверо из которых неотлучно двигались возле коляски Ануллиана, а остальные четверо замыкали колонну. Каждые два-три часа охрана менялась местами. Ещё было четверо солдат, по двое в двух повозках, и несколько раскормленных рабов, нагло не замечающих Диокла, впрочем, ему было на них наплевать, главное, что ему отвели место на последней повозке, забитой тюками, и теперь он двигался к своей мечте: к армии.

В начале первого дня Диокл уселся рядом с возницей, старым беззубым рабом по кличке Кельт и с интересом смотрел по сторонам. Ему казалось, что в самом воздухе была разлита свежесть перемен, новизна путешествия. Диокл попытался заговорить с Кельтом, но тот так затравленно и тупо посмотрел на него, что сразу стало ясно: общения не получится. Тогда Диокл залез внутрь повозки, а раб тут же удовлетворенно зашамкал что-то и передвинулся на середину скамьи, явно давая понять, что это место только для него. Смотреть назад было не вполне удобно, так как вплотную к повозке двигались четыре всадника, которые о чём-то вполголоса разговаривали и то и дело громко смеялись. Мерное покачивание повозки, негромкий гул голосов за задней холстиной, мягкие тюки под спиной, всё располагало ко сну. И Диокл не стал сопротивляться. Последней мыслью его было: очень скоро путешествие превратится в рутинную и скучную поездку. С ней он и уснул.

Пробудился он оттого, что перестало трясти и покачивать. Диокл выглянул наружу и увидел, как все члены команды разлеглись и расселись в разных уголках небольшой поляны, прячась от солнца в имеющихся пятнах тени. Диокл решил, что самое время перекусить. У него в дорожной сумке дожидались его аппетита каравай хлеба, сыр, кусок крепко просоленной говядины, фляга с водой и сушёные финики на десерт. Диокл расположился в тени повозки и немного поел. На него никто не обращал внимания. С одной стороны, это его вполне устраивало, с другой — вызывало скуку. Диокл завязал мешок и собирался уже вздремнуть, как услышал тяжёлые размеренные шаги, они из-за повозки явно двигались в его сторону. Раз, два, считал Диокл, на счёт три перед ним предстали крепкие волосатые икры, закрытые спереди натертыми до блеска узорчатыми поножами, рядом с которыми покачивалась полированная палка из виноградной лозы в полфута толщиной. Диокл поднял голову и вздрогнул. Над ним нависал воин с коротким мечом и кинжалом на широком, увешанном бронзовыми бляхами поясе, в кольчуге поверх кожаного панциря и в шлеме с поперечно расположенным щетинистым гребнем. Шлем сверкал на солнце, его края с боков и сзади оттопыривались, предохраняя от ударов мечом, а лицо защищали пластины и большой выступ надо лбом. Шлем сидел глубоко, так что даже бровей не было видно. Диокл представил, как жарко сейчас внутри этого блестящего на солнце куска металла, поэтому несколько не удивился, заметив, как ярко сверкают оттуда глаза, цепкие и пронзительные.

— Ты Диокл?

— Да! — он вскочил и невольно вытянулся под строгим взглядом воина.

— Запомни, я — Клавдий Алкима, центурион первой центурии третьей когорты второго легиона Адьютрикс (Legio II Adjutrix). Трибун Ануллиан сказал, чтобы я при-
сматривал за тобой.

— Аве, центурион Алкима! — гаркнул Диокл так громко, что сам удивился, но по-
жилому воину понравилось.

— Молодец! Если что нужно, у меня спрашивай. Ужинать будешь со всеми.

Повернулся и ушёл. Скоро его зычный голос скомандовал конец привала. Тут же из зарослей орешника вышел Ануллиан в сопровождении двух воинов. Центурион при виде начальника выпрямился, ударил себя правым кулаком по груди и крикнул: «Аве»! Анний благосклонно кивнул и скрылся в своей повозке, вслед из зарослей торопливо выскочили ещё два римских воина, на ходу окончательно уминая палатку в большой круглый чехол. Вот оно как, подумал Диокл, солдат и на привале службу несёт!

Дальнейший путь слился в череду однообразных дней, несущих томление и скуку. Диоклу даже представить было трудно, что среди камней могли бы притаиться раз-
бойники или враги Рима, всё дышало покоем и медленным, но необратимым движе-
нием времени. Добротнo вымощенная горная дорога к исходу каждого дня неизменно
приводила к очередной почтовой станции «мансио», с красным домиком за каменным
забором. Диокл прикидывал в уме, получалось, что за день они проходили от 20 до 40
миль. А ещё он замечал на каждом ночном привале, как росло число спутников в их
караване. Несколько раз их нагоняли одинокие всадники, но не обгоняли, несмотря
на расширение дороги в местах поворотов, а переговорив с центурионом, вставали в
хвост колонны. Видимо, так было безопаснее. Периодически караван проезжал мимо
встречных повозок, терпеливо стоящих на расширительных площадках. Сначала Ди-
окл никак не мог сообразить, каким образом они узнавали, что надо их пропустить,
пока не увидел, что два скутария едут далеко впереди, разгоняя встречный транспорт.

На пятый день пути повозки, поскрипывая, вкатились во внутренний двор оче-
редного мансио. Перед красной стеной здания выстроилась здешняя охрана: четверо
располневших от вечного безделья солдат. Ануллиан мельком взглянул на них, помор-
щился и, шагнув к дому, с некоторой опаской приоткрыл дверь. Заглянув внутрь, он
повернулся с ещё более кислым выражением и кивнул центуриону. Тот молча поднял
руку вверх, и солдаты бросились устанавливать палатку для своего командира. Они
действовали так споро и слаженно, что Диокл не в силах был оторвать глаз.

Внезапно в его нос пахнуло терпким запахом, а в уши влился скрип задеревенев-
шей кожи.

— Парень, тебя как зовут?

Диокл повернул вправо голову. Рядом стоял низкорослый крепыш в потёртых
остро пахнущих кожаных штанах и странной кожаной шапочке неопределённо-гряз-
ного цвета на голове. Крепыш широко улыбался, буквально освещая вечерние сумер-
ки белозубой улыбкой.

— Ты кто? — несколько запоздало и невпопад переспросил Диокл.

— Я? — разве не видишь?! — крепыш стянул с себя шапочку и махнул ею. — Это
же петанус!

Диокл виновато улыбнулся.

— Извини, но я не знаю, что это.

— Ха! А ещё в армию собрался!

— С чего ты взял?! — предательски покраснел Диокл. — Может быть, я к отцу в
имение еду?

— Так ты грек?

— Я римлянин!

— Вот видишь! — добродушно расплылся в улыбке крепыш. — Значит, в армию
едешь! С таким взглядом, когда ты произнёс: «Я римлянин!» — едут только в армию,
— он перехватил заинтересованный взгляд Диокла на его шапочку. — Это форменная
шапка почтового курьера, кем я и имею честь быть, и она называется петанус, — кре-
пыш прижал кулак к груди: — Эвмел.

— Диокл.

— Это, между прочим, наша почтовая станция!

— Поэтому в красный цвет выкрашена?

— Точно. Мансио всегда так красят, чтобы издали видны были.

— А что ты возишь, курьер?

— Письма, всякие документы, иногда книги, а в этот раз, например, везу Акта по-
пули.

— Акта попули?! А это что такое?

— Это же «Ежедневные деяния»! Ты никогда о них не слышал?!

— Слышал, — соврал Диокл. — Покажешь?

— Пойдём.

Они протиснулись сквозь суетящийся на тесном дворе народ к углу с лошадьми. Эвмел вынул из притороченной к седлу короба жёлтый тубус.

— Вот, смотри.

Он осторожно снял крышку и показал туго завёрнутый жгут из больших листов папируса. Диокл аккуратно провёл пальцам.

— А что там написано?

— А, я их давно уже не читаю, — махнул рукой Эвмел и закрыл тубус. — Зато я видел, как их делают. Хочешь, расскажу?

— Расскажи!

— На доску наносят слой гипса и на нём пишут большие и маленькие статьи. Потом куча писцов с них копии на папирусах делает, а мы по всему Риму развозим и на главных площадях развешиваем.

— На площадях?! — осенило Диокла. Он, наконец, понял, о чём речь, и вспомнил группы мужчин на главной площади Аспалатоса, напряжённый гул их голосов. — Это же газета!

— Дошло, наконец? — курьер улыбнулся и убрал тубус на место. — Моё дело важное, — он хлопнул ладонью по тубусу, — тут указы императора, распоряжения сената, ну и всякие новости, — Эвмел похлопал Диокла по плечу. — Что, интересно? — Диокл кивнул. — Приходи к нам на службу, мир повидаешь, всяких важных людей.

— Нет, я в армию.

— Ну что ж, раз твёрдо решил, то туда тебе и дорога. Прощай, Диокл, может, и сведут нас ещё дороги, — курьер отвязал лошадь.

— Эвмел, ты куда, вечереет уже?!

— Не могу я прохладиться, мне за скорость платят. Следующий мансио всего в двенадцати милях, я знаю. До ночи успею.

Диокл кивнул и тоже похлопал нового знакомого по плечу, потом глянул на его кожаные штаны.

— Эвмел, а тебе в них не жарко?

— Жарко, это точно, зато в этих штанах я с лошади не падаю, прямо прилипаю к её потной спине! — Эвмел широко улыбнулся. — Лошадь моя отдохнула, напоена и накормлена, пора в путь.

Курьер уехал. Диокл привычно помогал солдатам, помешивая кашу в котле, и раздумывал о необъятности Рима, о скрытых бесчисленных механизмах, которые обеспечивают повседневную жизнедеятельность огромного государственного организма, и о том, как мало он о них знает.

Утром Диокл, как обычно, пошёл впереди повозки пешком. Центурион Клавдий Алкима утром после первой ночёвки посоветовал пешие прогулки для «сохранения формы», и теперь Диокл взял за правило трудить ноги до полуденного отдыха, невзирая на палящее солнце или на крутизну пути. Через час при подъезде к одному из поворотов он заметил за дальним кустом жёлтый предмет. В груди дрогнуло от дурного предчувствия. Диокл обогнал повозки, проскочил меж двух скутариев и подбежал к кусту. Так и есть, за ним лицом вниз лежал охладевший труп курьера, вокруг валялись разломанные почтовые короба, рассыпанные письма, бумаги и открытый тубус. Диокл завороченно смотрел на кусок обломанной стрелы, торчащей из-под лопатки Эвмела. Караван остановился, подошёл центурион и два солдата. Алкима нагнулся и, выдернув стрелу из плеча, поднёс к глазам. Диокл почувствовал приступ тошноты. Сзади послышался голос Ануллиан:

— Клавдий!

— Я здесь, мой командир!

— Чья стрела?

— Похожа на готскую, жалко оперения нет.

— Ладно, опишешь потом в рапорте, а пока соберите всю почту и курьера похороните.

Диокл принялся усердно помогать собирать документы, страшась лишней раз посмотреть на мёртвого Эвмела. Два солдата вырыли выше по склону неглубокую могилу и без особых изысков схоронили бедолагу. На всё про всё ушло не больше получаса. Прозвучала команда центуриона, и караван двинулся дальше. Диокл сел в повозку, пешком идти не хотелось. Ему было очень жалко весёлого курьера.

— Эвмел, — шептал он, — зачем ты поехал один?

В руках шелестел чуть порванный экземпляр «Акта попули». Диокл смахнул слезу и развернул свиток. Сквозь влагу грусти глаза машинально читали заголовки: «Acta diurna Urbis» 12 сентября года 1009 а.у.с. «Консул Ацилий Глабрион вступил сегодня в отправление своих служебных обязанностей»; «Вчера над городом разразилась сильная гроза. Недалеко от Велии молнией зажгло дуб»; «В винном погребе произошла

драка. Хозяин лавки опасно ранен»; «Меняла Тиррус бежал, захватив с собой большую сумму денег. Он был задержан, и все деньги найдены при нем»; «Разбойник Фазис, недавно пойманный, сегодня утром был казнен».

Диокл выронил Акта попули и откинулся на трясущийся борт повозки.

— Эвмел, — вновь прошептали его губы, — зачем ты поехал один?

Глава 7

Через две недели караван спустился в долину, где его встретил отряд скутариев, на дорогах было беспокойно. Ехать стало интереснее, часто встречались большие и малые городки и деревни, население которых неизменно выбегало на улицы поглазеть на проезжающих. Они шумели и веселились, тыкали в них пальцами, а грязные и босые мальчишки строили рожицы. Римские воины невозмутимо двигались мимо, лишь один раз среагировали мгновенно и жестоко: кто-то крикнул из толпы: «Долой римлян!» — и две первые пары скутариев согласованно и молча рванули на лошадях в сторону раздавшегося голоса. Четыре всадника разметали толпу, раздалась вопли, а скутарии всё так же молча вернулись в строй. Диокл провожал глазами притихший народ, столпившийся вокруг нескольких стонущих тел и поймал несколько взглядов, в них ненависть перемежалась со страхом. Ему совсем не было жалко этих людей, Келад не раз ему повторял: «Порядок в государстве превыше страха и боли».

Через неделю ранним утром повозки въехали на узкие улицы города Аквинк, как следовало из вывески на фасаде первого же здания на въезде: «Таверна города Аквинк». До носа Диокла донеслись аппетитные запахи: несомненно, пахло жареным мясом, у него в животе аж заурчало. Повозки прогремели по особо тряской улочке и выехали на большую площадь. Вокруг почти по кругу расположились здания, в основном двухэтажные, с лавками и магазинами, посередине работал фонтан со статуей Нимфы — покровительницы вод, она склоняла амфору, и из неё щедро лилась вода.

— Диокл!

Диокл вздрогнул: за всё время пути центурион лишь пару раз обращал на него внимание. Он оглянулся. Край полога откинут, оттуда выглядывал Клавдий Алкима, как всегда, в полной, до блеска начищенной амуниции.

— Бери вещи, Диокл, твой путь завершён.

Когда Диокл выпрыгнул с изрядно потошавшим мешком из повозки, центурион призывно махнул рукой и двинулся к одному из одноэтажных зданий с натянутым вдоль крыши матерчатым пологом. Над открытыми настежь дверями виднелась табличка: «Комендатура Legio II Adjutrix». Слева от двери несколько грубо, но вполне узнаваемо была намалёвана клыкастая голова кабана, а справа — крылатый конь Пегас.

— Жди здесь! — приказал центурион и вошёл внутрь. Послышался радостный возглас.

Диокл отошёл в сторону, чтобы не слышать чужого разговора. Его глаза жадно пожирали незнакомый город. Утро наполнялось людскими возгласами, вот пробежали торопливо несколько девушек в платьях с разноцветными узорами, они наполняли корзинки свежими овощами и фруктами, переговаривались и звонко смеялись над чем-то. Вот на балкон вышел толстый человек в восточном халате и круглой шапочке с кисточкой на голове. Он потянулся, зевнул и вновь скрылся в комнате.

— Диокл! — прервал его наблюдения зычный голос центуриона.

— Я здесь, мой командир!

— Нет, я тебе уже не командир, — Алкима положил на плечо Диокла тяжёлую длань. — Здесь начинается твой собственный путь, парень. Иди, тебя ждёт проконсул Дион Бакул.

Диокл вошёл в прохладу полутёмного помещения. Здесь стояло несколько столов, но лишь за одним сидел пожилой человек в лёгком панцире из кожи с рельефами бегущего кабана и летящего над ним Пегаса. Перед ним лежала большая стопа квадратных, фута по полтора листов, придавленных сверху резной деревянной планкой. Диокла удивила белизна листов, он привык к светло-жёлтым тонам папируса. Видимо, это пергамент, догадался он. Рядом стоял письменный прибор и металлическая ручка с бронзовым пером. Проконсул Дион Бакул с интересом рассматривал вошедшего.

— Ты Диокл?

— Да, проконсул.

— Ты в армию собрался?

— Да, проконсул.

— Клавдий Алкима о тебе хорошо отозвался, его рекомендация много значит. Однако, Диокл, ты пришёл рано, можешь погулять по городу, пообедать в хорошей таверне. Остальных кандидатов подвезут только к середине дня, у тебя много свободного времени, потом зайдёшь, и я тебя вместе с остальными запишу, — Дион положил ши-

рокую ладонь на стопу листов.

Диокл не сомневался ни секунды.

— Простите, проконсул, но я прошу записать меня сейчас.

— Так ведь я уже тогда не смогу тебя отпустить. Придётся тебе долго ждать во дворе, а там жарко.

— Ничего, я потерплю.

— Да? Ну что ж, как пожелаешь.

Дион неспешно откинул вверх четыре исписанных листа. Диокл обратил внимание, что и снизу лежала деревяшка. Приглядевшись, он понял, что листы были зажаты между этими двумя планками и прошиты толстыми нитками. Проконсул остановился на листе, исписанном лишь наполовину, поправил книгу и, взяв в руки ручку, записал: Диокл. Опустил перо на следующую строчку.

— Принимал ли ты прежде присягу гражданина Рима?

— Нет, — после лёгкой заминки ответил Диокл. — Мне ещё не исполнилось восемнадцати.

Проконсул поставил прочерк в одной из граф и ласково посмотрел на Диокла.

— Ничего, я уверен, что после обучения ты будешь достоин воинской присяги, а она много почётнее гражданского обета на верность. — Дион обмакнул перо. — Имя твоего отца, юноша?

— Ануллиан Валерий.

— Свободный?

Диокл слегка замялся.

— Вольноотпущенник.

Дион озадаченно качнул головой. По древнему закону, он обязан был поставить перед именем отца букву «L» — освобождённый. Но такая буква всегда вредила карьере. Проконсул слегка побряхтел, обмакнул в чернильнице перо, поднял глаза на Диокла.

— А матушка твоя кто?

В армейские реестры имена матерей не заносили, но нигде не было запретов на спрос о них.

— Скантия Бласта, из рода Статилиев Тавров.

— Да-а?! Хорошо.

— Мама умерла давно, я её почти не помню, и её родня...

— Ладно, ладно, — перебил его проконсул, — дело понятное, род известный в Риме. Ты мне скажи, чем отец твой занимается, каким имуществом располагает?

— Отец заведует канцелярией прокуратора рудников провинции Далмации. Имеет дом и немного земли. Он всем доволен, проконсул, и славит Рим.

— Отлично! — Дион отложил ручку в сторону. — У тебя достойный отец, ступай с богом.

Диокл изумлённо посмотрел на проконсула: неужели он христианин?! Гельпия, жена отца, тоже бога нередко поминала. Дион невозмутимо позвонил в маленький бронзовый колокольчик. В глубине комнаты открылась дверь, и вошёл пожилой солдат.

— Иди, Диокл, тебя проводят.

Диокл шёл по узкой улочке и улыбался, от солдата впереди терпко пахло мужским потом, именно так, как и должна была пахнуть армия. Город уже окончательно проснулся и шумел разноголосицей людей и животных, видимо, недалеко находился рынок, но здесь никто им не повстречался. Через полстадии солдат остановился перед калиткой в глухом каменном заборе. Постучал. Не сразу оттуда отозвался хриплый голос:

— Кого в такую рань принесло?

— Открывай, Помпо!

— А, это ты, — стукнул засов, и калитка отворилась. За нею, слегка горбясь, стоял ещё более пожилой солдат. Он ласково посмотрел на Диокла. — О! Первая ласточка залетела! Проходи в загон, юноша, чувствуй себя как дома.

Диокл зашёл внутрь, а солдаты о чём-то тихо заговорили. Загоном оказалось внутреннее пространство, огороженное тонкими редкими жердями. За ними виднелось пустое пространство, лавки вдоль стен, большая бочка на каменной плите, чуть прикрытая деревянным навесом, и в дальнем углу дощатый туалет.

Диокл зашёл, осмотрелся, налил во флягу воды из бочки, она уже была тёплой, попутно вспомнил о журчащей прохладе фонтана и выбрал себе лавку слева, под развесистым платаном, растущим с внешней стороны каменного забора. Перекусив черствым куском хлеба и засохшим кусочком сыра, он улёгся на лавку. Глаза сами собой закрылись, губы довольно улыбались.

Глава 8

Диокла разбудила муха, атакующая его лицо. Просыпаться не хотелось, он морщился и отмахивался руками, а назойливое насекомое упорно садилось на его нос, щёки и лоб. Диокл, не открывая глаз, подгадал и сильно ударил себя по лбу и тут же услышал оглушительный гогот молодых мужских глоток. Он открыл глаза и сонно оглядел шутников. Вокруг сгрудились новобранцы. Один из них сидел рядом на корточках и покачивал травинкой. Диокл широко улыбнулся, тот, что с травинкой тоже заулыбался.

— Друзья! — вскочил он и вознес к небу руки. — Нам повезло, незнакомец не сердится!

— Тебя как зовут?

— Сколько тебе лет, парень?

— Ты откуда прибыл?

Диокл отвечал без утайки. Кто-то похлопал Диокла по плечу, приободряя, но это было излишне, он не испытывал смущения, лишь внимательно и осторожно впитывал в себя новые знакомства и впечатления. Безвылазно живя в Аспалатосе, он видел чужаков, как все местные называли пришлых незнакомцев, два-три раза в год, а то и реже. А здесь сразу столько новых лиц! Все новобранцы были из местных городков и деревень, в основном греки, немного италийцев, несколько человек держались особняком. Они свысока поглядывали на остальных. Парень с веточкой, Сперат, шепнул Диоклу, что это дети местных римлян, землевладельцев и чиновников.

— Вон тот, — кивал он головой, — крайний справа, Сектус, а там, в середине, длинный, Квинтус.

— Странные имена.

— Нормальные для римлян, — пожал плечами Сперат. — Это значит, что один шестой ребёнок в семье, а второй — пятый. У них одна дорога — в армию.

— Откуда ты всё знаешь?

— А я с ними уже познакомился. Это они так, в сторонке стоят, а на самом деле, нормальные ребята. Хочешь, подойдём к ним?

— Хочу! — неожиданно для самого себя сказал Диокл.

Они направились к детям римлян. Сзади за ними следили два десятка пар глаз. Римляне смотрели в их сторону несколько настороженно, но не отчуждённо.

— Ребята! — начал громко говорить Сперат, не дойдя несколько шагов. — Хочу вам представить Диокла. Он прибыл с берега Адриатического моря.

Сперат словно пароль произнёс, по лицам римских отпрысков пробежал неподдельный интерес.

— Из Далмации?!

— Почему так далеко, разве у вас нет набора?

— В Далмации в Бурнуме свой легион стоит, а ты через горы перевалил!

— Да ясно, его сюда покровитель привёз!

— А тебе что, завидно?

— Мечом махать не покровитель будет!

Диокл неожиданно для себя оказался в центре внимания, но так как всё время отмалчивался, разговоры с его персоны перетекли на всех присутствующих. Сзади подошли остальные новобранцы. Как-то незаметно все перемешались, стали знакомиться, рассказывать о себе, расспрашивать о других. Время летело быстро, солнце жарило немилосердно. То один, то другой отбегали к бочке с водой, но почти горячая вода освежала ненадолго.

— Стройся! — прервал всеобщий гомон неожиданный гортанный окрик.

Все обернулись. Перед ними стоял центурион в парадном облачении. Его глаза из-под ослепительно блестящего шлема смотрели на них строго и властно. Новобранцы начали суетливо двигаться, пытаясь понять, что значит эта команда. Диокл взял за рукав Сперата и потянул за собой. Они вышли на два шага вперёд и замерли, один возле другого. Остальные, словно этого только и ждали, быстренько приросли по бокам и сзади. Постепенно всё стихло. Центурион, до того терпеливо ожидавший, удовлетворительно кивнул, прошёлся вдоль строя, остановился перед Диоклом.

— Как зовут?

— Диокл из Далмации!

— Молодец! — центурион отошёл и встал на середину. — Я центурион Секстий Бакул. Обращаться ко мне следует: центурион Бакул, — центурион неторопливо прошёлся вдоль строя, поглядывая на новобранцев. — Ваш строй отвратителен, — громко заговорил он. — Но он есть! А то, что есть, можно поправить. Вам выпала высокая честь — стать солдатами Рима! Но прежде чем вас по праву назовут солдатами, вы пройдёте учёбу. Те, кто успешно её завершит, примет присягу. А теперь я спрашиваю

вас: есть ли кто-либо среди вас, кто не хочет быть солдатом Рима?! — разномастные шеренги зашевелились, но промолчали. — Отлично! Слушай команду! Налево! — почти все сообразили, что нужно делать. — Сейчас вы следуете за мной к обозу на площади. Солдаты выдадут вам хлеб и сыр, воду наберёте из фонтана. Предупреждаю, теперь, когда ваши имена занесены в список новобранцев нашего доблестного легиона, все, кто отстанет или потеряется, будет отнесён к дезертирам, а это верная смерть или рабство. Вперёд!

Три длинные повозки уже были заполнены до краёв жарким зноем. Диокл сидел, прислонившись к большому колёсам повозки, и вновь всматривался в этот незнакомый город. Он отличался и в то же время был таким же, как его городок. Разве что восточного края в одежде побольше, да чаще звучит греческая и парфянская речь, а так, всё как у него дома. Диокл откусил от краюхи светло-серого хлеба и запил прохладной водой. Он впервые ел казённую еду по праву. И хлеб, и сыр показались ему намазанными мёдом.

Послышалась зычная команда, все новобранцы вскочили, загомонили, борясь за лучшие места в повозках. Диокл не спешил. Он стоял сбоку и смотрел. Ему было всё равно, сидеть в середине или с краю.

— Диокл, иди сюда! — крикнул ему Сперат из второй телеги. — Я место занял! — Диокл уселся рядом с новым другом, тот занял два крайних места на правой скамье. — Здорово?

— Ты о чём?

— Здесь хоть немного продувает и можно смотреть наружу.

— Вряд ли. Когда поедем, здесь будет полно пыли, а ещё мы сидим прямо на оси, трясти будет больше, чем в середине.

— Так вот почему латиняне всю середину заняли!

— Да не расстраивайся, Сперат, солдат не выбирает место, его направляет судьба.

— Скажешь тоже! — усмехнулся Сперат и замолчал.

В повозку заглянул центурион. В его руках был небольшой свиток и тонкий свинцовый карандаш, которым он расставлял галочки во время переключки. Окончив переключку, Центурион оглядел внимательно притихших парней. Его взгляд остановился на Диокле.

— Ты! — он ткнул в его сторону карандашом. — Будешь старшим. Запомни, сколько у тебя людей, теперь ты за них отвечаешь!

Полотняный полог упал сверху, приглушив внешний шум, почти мгновенно стало жарко и душно. Повозка дёрнулась и, постукивая по стыкам камней, медленно двинулась по дороге.

Диокл думал, что ехать придётся долго, но меньше чем через час они остановились. Прозвучала зычная команда центуриона, новобранцы радостно выскакивали наружу, и тут же замирали, поражённые удивительным зрелищем. С высокого предгорья открывалась обширная долина, деревушки и селения, разбросанные между возделанными полями, река, густые рощи или сады. Это само по себе было красиво, но ещё более изумительным выглядел лагерь римского легиона. Прямоугольной формы, с прямыми улицами, большой площадкой посередине.

— Построиться! — центурион стоял на краю обрыва и явно любовался великолепной картиной. Он повернулся, слегка наклонив голову, критически осмотрел свой молодняк. — Вам сильно повезло, парни, что вы попали во второй легион Адыотрикс. Сколь совершенны линии нашего лагеря! Смотрите и гордитесь! Четыре дороги подходят к четырём воротам лагеря. Главные ворота — справа от нас, те, что с восточной стороны. В центре лагеря большое красивое здание — это преторий — дом и штаб нашего консула и префекта. К преторию примыкают дома казначея — квестора, помощника консула — легата, далее дома трибунов и префектов. Казармы слева и справа от передних ворот отведены для отборной пехоты и конницы. Большая честь, вам птенцам, вырасти в орлов и поселится возле передних ворот!

— А в центре?

— Кто сказал?! — отрывисто спросил центурион.

— Я, — Диокл шагнул из строя.

Все замерли. Диокл проклинал себя за несдержанность, а Секстий Бакул мерил его взглядом с головы до ног.

— Ты хочешь жить в центре лагеря?

— Да, центурион Бакул! — громко выкрикнул Диокл.

— Что ж, — усмехнулся вдруг центурион, — желаю успеха. Только знаешь ли ты, юноша, сколько тебе придётся для этого пролить собственного пота и чужой крови? И при этом сохранить свою. Молчишь? Подумай об этом. Встань в строй, — центурион вновь повернулся к виду римского лагеря.

— А мы где будем жить? — робко спросил кто-то.

— Ваше место пока не здесь, — не оборачиваясь, ответил центурион. — Мы едем в соседнюю долину, в которой расположен учебный лагерь нашего легиона, — центурион повернулся и строго глянул на новобранцев. — Чтобы стать своим в этом лагере, чтобы жить даже на самой последней его улице, надо стать солдатами, а это, скажу я вам, не так-то просто!

— Простите, центурион Бакул, — спросил долговязый Квинтус. — А что там за линия идёт от реки к лагерю?

— Это акведук. Он уже восемьдесят лет несёт воду в лагерь.

— Восемьдесят лет?! — ахнули сразу несколько голосов.

— Да! Наш легион в этих местах служит уже больше двухсот лет, а в этом лагере почти сто лет. Всё, — центурион обвёл руками лагерь и окрестности, — всё, что вы здесь видите, создано руками солдат. Нас никто не обслуживает. Солдат Рима всё делает сам: и лагерь строит, и крепости возводит, и дороги с акведуками прокладывает. Лопата и молоток в ваших руках будут чаще, чем мечи! — кто-то хотел что-то спросить, но центурион резко выкинул руку вверх. — Этот знак — внимание. Если видите его, смолкают все разговоры, все слушают приказ. И я вам команду: по повозкам! Быстро-быстро!

Скоро они спустились в живописную долину, низкорослые сосны сменились лиственными рощами и невысокими раскидистыми дубами, вокруг которых росли лишь кусты и травы. В тени деревьев было прохладно, хотя и досаждали комары. Мощёная камнем дорога, попетляв, привела их в учебный лагерь. Диокл выпрыгнул из повозки и принялся жадно осматриваться. Узкая внешняя дорога, проходя между древними каменными башням, внутри лагеря превращалась в широкую ровную улицу. Повозки, на которых прибыли новобранцы, стояли ровно, словно по линейке. Скрипнули тяжёлые створки ворот, лязнул затвор, и два солдата в амуниции и с копьями исчезли каждый в своей башне. Вот мелькнули наверху их шлемы и через мгновение скрылись за каменными зубцами. «Служба!» — восторженно подумал Диокл, тем не менее, испытывая холодок в груди. В обе стороны от башен уходил серый, местами поросший мхом частокол. Чуть в стороне раскинулась площадка с длинными столами и лавками, перекрытая деревянным навесом, за нею две приземистые казармы, ещё несколько построек. Дальше — учебное поле, на котором виднелись фрагмент рва с частоколом, несколько башен разной формы и целый набор каких-то сооружений или механизмов. Между ними сновали фигурки в выцветших, пропотевших насквозь туниках и коротких штанах — браках. Диокл пригляделся и разглядел в их руках мечи и копья. Они не блестели на ярком утреннем солнце и, видимо, были деревянными.

Многие новобранцы застыли рядом с Диоклом в немом созерцании, но раздался зычный окрик центуриона, и все спешно построились перед своими повозками. Командир вышел на середину. За его спиной молча встали три пожилых легионера, двое рослых, третий помельче. Чем-то они напоминали Келада, его учителя: такие же большие и костлявые, с длинными могучими руками. Только эти были ещё не столь стары, в них чувствовалась полнота мужской силы и зрелого опыта.

— Сегодня вы устраиваетесь. Как вы расселись в повозках, так и будете жить. Каждая группа — это декурия. Соответственно, восьмая, девятая и десятая. Сзади меня стоят мои помощники — опционы. Отныне и до конца обучения они ваши командиры. Они властны наказывать вас, так что советую их почитать и слушаться.

Центурион повернулся и, кивнув опционам, удалился. Те подошли поближе, каждый к своей группе. К девятой декурии подошёл опцион, тот, что помельче. Его лицо — загорелое, в морщинах и нескольких шрамах — не казалось строгим, однако глаза добрыми не выглядели.

— Кто Диокл?

— Я! — Диокл шагнул вперёд.

— Остаёшься старшим. Веди декурию за мной.

Глава 9

Диокл лежал на деревянном топчане в длинной казарме, пахнущей мужским потом и струганными влажными досками. Строение было старым, поэтому их опцион по имени Эпиус тут же ткнул пальцем в две крайние пары:

— Скребки, чистить пол, потом мыть! — мимолётный взгляд на Диокла. — Ты — контроль!

И ушёл. Теперь ноги и руки ныли. Несмотря на то что его назначили старшим, Диокл скрёб и протирал пол водой наравне со всеми. Глаза слипались, но разум всё ещё сопротивлялся, блуждая в событиях дня.

Диокл незаметно уснул и спал без снов. Рык Эпиуса пробился сквозь блаженную тьму, как в ночи молния с небес:

— Подъём! Наружу! Быстро!

Сонная молодёжь, толкаясь и поёживаясь, выбегала во двор. Рядом строились другие декурии. Солнце лишь слегка окрашивало облака у горизонта, а первый день службы уже начался.

— Стройся! Быстро! — Эпиус оглядел свою декурию, покачал головой и, подойдя, подравнял строй. — Вы должны стоять в строю идеально ровно! Солдаты не могут выгладеть олухами! А теперь за мной бего-ом марш!

И они побежали за пределы лагеря. Пожилой опцион проявил невероятную для своего возраста резвость. Диокл бежал сразу за ним и с удивлением видел, как ровно дышит их командир, как поступательно и равномерно работают его руки и ноги. Он поневоле стал подстраиваться под этот темп и почувствовал: бежать стало легче! А ведь он в тренировках с Келадом набегал не одну сотню миль. Что-то беспокоило Диокла. Ну, конечно, он же старший! Диокл оглянулся и заметил, что четверо из его десятки отставали. Он сбавил ход и поравнялся с ними.

— Ребята, главное, не частите! Делайте, как я. Равномерно и глубоко. Так. И вдох реже и глубже. Молодцы! Догоняйте, нельзя отставать.

Отстающие прибавили ходу и догнали хвост колонны, но их воодушевления хватило ненадолго, через десять минут они опять отстали. Диокл догнал невозмутимого Эпиуса и решил, что вряд ли сможет помочь тем, кто слаб. На утоптанной тысячами ног тропе всё чаще появлялись задыхающиеся новобранцы. Кто-то, согнувшись, тяжело дышал, уперевшись руками в колени, кто-то еле брёл по обочине, а некоторые двигались лёгкой трусцой. Опцион между тем всё подавал темп, заставляя Диокла включать все свои резервы. Рядом, обливаясь потом и шумно дыша, бежал Сперат, в его сосредоточенном взгляде читалась решимость умереть, но не отстать. Чуть сзади бежали ещё двое, все остальные отстали. Перелесок, через который они бежали, закончился, и перед ними раскрылось широкое холмистое поле. Где-то впереди слышалась радостное многоголосие молодых глоток. Ещё одно усилие, шаг, ещё один...

— Шагом! — долгожданно осчастливил опцион.

Он тоже часто дышал, но не выглядел изнеможенным. Его колкий взгляд прошёл по четырём парням, еле переставлявшим от усталости ноги. Морщинки возле глаз сплелись в добродушную паутинку.

— Терпите, сынки, солдат должен быть вынослив, как мул, и быстр, как конь! Ну, легким бегом — за мной!

Они выбежали на обширную поросшую сочной травой поляну, на которой десятками светлых пятен лежали туники. Поляна заканчивалась илистым обрывом и широкой деревянной лестницей, спускающейся прямо в широкую излучину речки. В её чуть коричневатых от взбаламученного дна водах плескались новобранцы. Они орали, брызгались, ныряли. Диокл и три товарища уставились на Эпиуса.

— Сначала прополощите туники, — приказал им опцион, — положите просушить, затем пять раз проплыть к тому берегу и обратно. Вперёд!

Через некоторое время в реку ввалились отставшие. Всем было хорошо и радостно. В этой массе голых тел невозможно было проследить, как исполняются приказания на заплыв, но Диокл добросовестно проплыл пять раз, максимально напрягая уставшие мышцы. Сперат встретил его после очередного заплыва сидящим по шею в воде:

— Диокл, брось, отдохни!

— Нет!

После купания новобранцы построились и направились по дороге вдоль берега речки. Этот путь очень скоро привёл их ко вторым воротам лагеря. Только теперь Диокл обнаружил, что этот учебный лагерь был больше виденного ими с холма раза в два. Это обстоятельство его так озадачило, что, идя рядом с Эпиусом, он не удержался от вопроса:

— Опцион, простите, разрешите спросить?

— Спрашивай, — Эпиус скосил на Диокла глаза, не поворачивая головы.

— Почему наш лагерь больше основного?

— Молодец, заметил. Потому что вот уже почти сто лет, как лагерь строят на один легион, а раньше строили с расчетом на два.

— А зачем? — спросил кто-то из строя.

— Потому, что теперь один легион стоит двух! — убеждённо отрезал Эпиус.

Все новобранцы стекались к середине древнего лагеря, к деревянным навесам, под которыми стояли длинные столы и лавки. Эпиус остановил декурию и, кивнув Диоклу, вошёл внутрь. С десятков столов были накрыты завтраком: возле кружек с питьём лежало по куску сыра и по большому ломтю светло-серого хлеба.

— Диокл, этот стол — место принятия пищи для твоей декурии, — опцион внимательно посмотрел на новобранца, тот стоял навытяжку, не сводя с командира немигающих глаз. Эпиус удовлетворённо кивнул. — После завтрака приведёшь декурию к

казарме. Следи за порядком, солдат!

— Слушаюсь, опцион!

Обветренные губы Эпиуса вытянулись в две тонкие полоски, глаза превратились в две щелочки. Он так улыбается, понял Диокл.

— Молодец! Командуй, — Эпиус склонил голову набок и добавил: — Пока сможешь.

Опцион ушёл. Диокл медленно шёл обратно к нетерпеливо топчущимся ребятам и размышлял над последней фразой. Два слова всколыхнули в нём бурю чувств. С одной стороны — возмущение: почему пока?! С другой стороны, в нём родилось жгучее желание утвердить своё случайное право командования. Он взглянул на своих братьев и нахмурился. Видя, что Эпиус удалился, те явно расслабились: переговаривались, смеялись, хорошо хоть из строя никто выйти не решился.

— Эй, командир, — крикнул противным скрипучим голосом Ретус, сын римского чиновника, — у тебя в Далмации принято по утрам завтракать?

Несколько глоток радостно загоготали. Диокл внешне даже бровью не повёл. Он подошёл и зычно скомандовал:

— Напра-во! — декурия не очень стройно повернулась, испуская из своих недр недовольное ворчание. Диокл выдержал паузу, пока шум не затих. — Братья мои! — начал он речь. — Я один из вас, но назначен вашим командиром. Даже если я кому-то не по душе, это ничего не значит. Я буду отдавать вам приказы, а вы будете их исполнять! — новобранцы притихли, изумлённо поглядывая на своего товарища. Диокл вновь выдержал паузу. — Слушай мою команду! Нале-во! — декурия повернулась. — Левая шеренга за мной, за ней правая! — Диокл направился к указанному ему столу, новобранцы за ним. — Садитесь!

Все расселись, но никто не решился начинать есть. За соседними столами уже вовсю молодые зубы кусали мякоть хлеба. Диокл подошёл к крайнему месту на левой лавке.

— Молодцы! Можно приступать.

Все накинулись на еду.

— Ну, ты даёшь! — восторженно шептал Сперат на ухо Диоклу, с аппетитом кусая хлеб и сыр. — Смотри, даже Ретус притих, хмурится только.

Диокл отпил из кружки воду, разбавленную винным уксусом, и откусил хлеб. Есть не хотелось. Он внутренне всё ещё был натянут как струна и размышлял, имел ли право говорить то, что сказал? Сперат, видимо, понимая состояние друга, проявлял к нему всяческое участие. Он пододвинул к нему небольшой кувшинчик. Всего таких сосудов на их столе было три.

— Диокл, полей хлеб, вкусно.

— А что это? — очнулся от дум Диокл.

— Соус гарум. Классная штука! С ним чего хочешь можно съесть...

— Даже кусок дерьма, — добавил Атимет, стройный и гибкий грек с умными цепкими глазами, сидящий сразу за Сператом.

Те, кто слышали, грохнули взрывом хохота, остальные недоумённо уставились на них. Диокл взял кувшинчик и, приоткрыв большим пальцем крышечку на шарнире, поднёс к носу. В ноздри ударил резкий запах протухшей рыбы с неуловимым налётом пряности. Диокл дёрнулся и отставил кувшинчик подальше от себя. На его лице было такое отвращение, что оглушительным хохотом взорвалась вся декурия. Диокл секунду смотрел на гогочущие лица и собирался тоже захохотать, но вдруг заметил, что новобранцы с соседних столов смотрят на них строго и недоумённо. Особенно те, кто здесь уже были до них. Часть из них уже поднималась и выходила из-под навесов строится. Диокл поднял вверх сжатый кулак. Смех мгновенно стих.

— Ребята, завтрак скоро закончится.

Все дружно налегли на еду.

После завтрака Диокл отвёл декурию к казарме и поставил её поближе к стене, туда, где ещё была тень. Солнце давно уже набрало силу и щедро палило с чистого неба, словно не желая признавать, что скоро осень. Все молча подчинились, хотя до слуха Диокла долетали отзвуки ропота. Он решил не обращать на это внимание.

— Сперат! — спросил он тихо у своего друга.

— Что?

— Соус гарун, почему он так воняет?

— А он из рыбьих внутренностей делается, — видя изумлённые глаза Диокла, Сперат усмехнулся. — Ты что, никогда его не пробовал? — Диокл помотал головой. — Честно говоря, гарум редкостная гадость, но римляне его трескают за обе щеки.

— Вонь жуткая.

— Мне отец про этот соус рассказывал. Говорил, что его древние моряки придумали, чтобы тухлятину есть. Он такой жгучий, что сжигает гниль.

- Неужели к нему можно привыкнуть?
- Ещё как, видел, сколько латиняне его на хлеб лили?

Подошли восьмая и десятая декурии и вольготно разбрелись в разные стороны. Тут уж возмущение достигло апогея.

- Диокл, почему мы стоим? — выразил общее настроение Ретус.

Диокл вышел из строя и повернулся лицом. Он нашёл глаза Ретуса и уставился в них. Тот вдруг отвернулся. Диокл обвёл взглядом остальных.

- Опцион Эпиус приказал ждать у казармы.
- Мы не отказываемся ждать, — вместо затихшего Ретуса отозвался Ларгий, большой и добродушный латинянин. — Я вот в туалет хочу.
- Иди. Потом вернёшься в строй.
- А можно, я тоже? — спросил Гигин, атлетически сложенный грек, с доверчивым, но слегка глуповатым лицом.
- Вернётся Ларгий, тогда пойдёшь ты.
- Это неправильно! — вновь скрипуче выкрикнул Ретус. — Почему мы стоим, когда остальные отдыхают?!

Несколько голосов его поддержали. Диокл почувствовал, как волна ярости поднимается от сердца к глазам.

– Всем молчать! — негромко, но с невероятной внутренней силой сказал он. — Ещё одно слово, я выведу всех на солнце! А кто не подчинится, задушу! Особенно тебя, Ретус!

- Кишка тонка!
- Четыре шага вперёд ма-арш! — скомандовал Диокл.

Почти вся декурия вышла на солнце, у стены остался Ретус и большой, как гора, молчаливый Сектус. Диокл пошёл к упрямам, Сектус шагнул навстречу. Краем глаза Диокл заметил вернувшегося Ларгия, изумлённо смотрящего на происходящее. Сектус вытянул левую руку с поднятой ладонью.

- Ты — грек! Ты не смеешь указывать римлянину! Я не...

Что «не», Сектус объявить не успел, Диокл не сбавляя шага, слегка присел, отвёл в сторону правой рукой громадную лапищу латинянина и левой рукой молниеносно ударил ему в солнечное сплетение. Тот басовито ойкнул и упал на колени, рот беззвучно хватал воздух. Из-за спины осевшего Сектуса уже выныривал Ретус с маленьким египетским кинжалом в руке. Он выставил его перед собой, предполагая, что поблескивающее лезвие остановит упрямого грека, но Диокл действовал молниеносно. Его правая рука ухватила Ретуса за запястье, потянула вперёд, одновременно Диокл развернулся, фактически перекатываясь вдоль руки и предплечья Ретуса, и локтём левой руки с размаха ударил в скулу Ретуса. Юноша упал на песок, кинжал из его руки выпал. Диокл медленно поднял кинжал и, коротко размахнувшись, бросил в деревянный столб крыльца казармы. Тонкое лезвие со стуком воткнулось и коротко и гулко завибрировало, а Диокл, склонившись над поверженными противниками, громко сказал:

– Сегодня я вас убивать не буду, просто накажу. Будете три дня скрести и мыть пол в казарме. Встать в строй!

Ретус и Сектус рысцей кинулись исполнять приказание, вслед за ними на своё место нырнул и Ларгий. Все замерли. Диокл обвёл всех спокойным взглядом.

– Вы мне все братья, — сказал он, — но меня назначили вашим командиром. Неповиновение мне — это неповиновение Риму! И мне всё равно, кто из вас грек, а кто латинянин, мы все римляне!

- Браво, юноша! — раздалось вдруг из-за спины.

На крыльце казармы стояли центурион Секстий Бакул и три его помощника. Двое из них немедленно побежали в разные стороны к своим декуриям, по пути зло и зычно требуя построения, а низкорослый Эпиус, довольно улыбаясь, остался на месте. Бакул заглянул за опорный столб крыльца, выдернул кинжал, осмотрел его и сунул сбоку за пояс.

– Вам, новобранцы, никакого оружия, кроме учебного, пока не положено, — он взглянул на Ретуса, на скуле которого наливался багрянцем синяк. — Твой кинжал пока будет у меня, закончишь обучение, сможешь его забрать, — центурион перевёл взгляд на Диокла. — Кто тебя обучал, юноша?

- Сармат.
- О! — Бакул кивнул. — Скифы великие войны. Но я не видел у них таких приёмов.
- Это персидская борьба. Келад полгода служил парфянским наёмником.
- Теперь понятно. Тебе повезло с учителем.

Слева и справа, загребая сандалиями песок, подбежали восьмая и десятая декурии. Бакул дождался, когда все три декурии построились, и заговорил, обращаясь ко всем:

- Сегодня, — начал центурион свою речь, — знаменательный день в вашей жизни

— сегодня вы впервые проснулись в армии Рима. Каждый из вас уже занесён в список новобранцев второго легиона Адьютрикс. В зависимости от успехов, ваши имена через четыре месяца впишут в когорты легионеров или вспомогательных войск или в иные подразделения нашего славного легиона. Каждому будет справедливое место. И я счастлив, что один из ваших товарищей уже понял смысл службы, — центурион сделал многозначительную паузу. — Это дисциплина! Ни сила, ни быстрота, ни опыт не значат ничего, если нет дисциплины. Тебя, — Бакул протянул руку в сторону Ретуса, — твой командир оставил сегодня жить. Что ж, это его право. Но если бы он убил тебя, это тоже было бы его право. За отказ подчинения командиру наказание — смерть! Я официально назначаю Диокла, вашего товарища, старшиной девятой декурии. Старшины восьмой и десятой декуррий!

— Здесь! — они вышли из строя.

— В отсутствие меня и моих помощников Диокл ваш командир! — Бакул повернул голову к Эпиусу. — Опцион, сегодня же внести соответствующую запись в список новобранцев.

— Слушаюсь, центурион!

— Запомните, юноши, ваше детство осталось в прошлом. Вы уродливые поленья, из которых мы выстругиваем солдат Рима. Вы ещё никто, а великодушный император уже платит вам жалование. Каждому из вас определено 80 динариев в год. Командиры получают больше. Вот, например, у Диокла годовое жалование уже 120 динариев! Там, за воротами лагеря, многие считают такие деньги богатством. Поэтому извольте трудиться на благо Рима с прилежанием и доблестью. Кстати, новобранцы, знайте, что в римской армии из своего жалования солдаты должны покупать боевое снаряжение, одежду и питание. Так что берегите то, что имеете, например, свои туники и штаны, они уже вами оплачены. Так же как сыр и хлеб, зерно и вино, которыми вы питаетесь. Кроме того, на ваши средства существует клавариум — специальный фонд для дальних походов. Его вы тоже должны пополнять собственными средствами. Всем всё понятно?! Отлично! Опционы, приступить к обучению!

Глава 10

Вчера до и после второго завтрака новобранцы занимались муштрой: они шагали в ногу, оттаптывая пятки впередиидущим, поворачивались, сталкиваясь с соседями, останавливались как вкопанные, получая тычки в спину от ротозеев. Диокл вместе со всеми в строю старательно исполнял команды опциона, пытаясь достичь требуемого им состояния: слиться с декурией, стать её нервом, чувствовать её единым организмом. Болели ноги, ноздри забились пылью, а уши — бранью их сердитого начальника. Уж солнце скрылось, когда он, наконец, устало подозвал Диокла:

— Веди своих олухов умываться и на ужин.

О, как вкусна была огромная порция горячей ячменной каши со щедрой россыпью обжаренных кубиков свиного сала! А поска — слегка подогретое дешевое вино с уксусом и водой — так чудесно размягчало во рту букеллатум — жёсткую пшеничную лепешку! После такого длинного дня и столь сытного ужина хотелось одного — уснуть. Так как других указаний не было, Диокл разрешил всем спать, а сам сел на деревянный табурет и смотрел, как благородные руки латинян Ретуса и Сектуса уже больше часа скоблят и трут доски пола. Поначалу их языки еле слышно забормotalи в его адрес проклятья, но Диокл моментально пресёк ворчунов. Он подошёл поближе и тихо сказал:

— Или смиритесь, или спать сегодня ночью не будете!

В казарму заглянул Эпиус, удовлетворённо посмотрел на работяг и поманил Диокла наружу. Там уже звёзды испятели серебристыми крапинками тёмную синь неба, свежий воздух легко тёк в грудь.

— Диокл, это ты разрешил своим спать?

— Да, опцион, я что-то нарушил? — испугался Диокл.

— Рано! Сон в десять вечера, подъем в шесть утра. Завтра ты с остальными старшинами восьмой и десятой декуррий организуешь ночное дежурство из двух человек. Сегодня на ночь оставь дежурить этих двух упрямецев. Пусть спят по очереди, — Эпиус повернулся, собираясь уходить, но, вспомнив что-то, остановился: — Кстати, командиры не только ложатся позже остальных, но и встают раньше всех.

Опцион ушёл, а Диокл, терзая себя усилием воли, объявил Ретусу и Сектусу приговор — ночное дежурство. Потом он обошёл казарму, посмотрел на две спящие сладким сном соседние декурии и только после этого с наслаждением упал на жёсткий топчан.

Утром веки его ещё спали, тело ещё просило покоя, а его уже безжалостно трясла за плечо шершавая ладонь. Диокл сел на кровати и тут же вскочил. Перед ним стоял Эпиус, готовый к утреннему забегу.

— Уже утро? — растерянно спросил он.

— Да, старшина, пора вставать.

Диокл обеспокоено закрутил шейю.

— А где...

— Твои дежурные спят, — перебил его Эпиус. — Иди за мной.

Сектус спал на полу, прислонившись спиной к стене, а Ретус сидя уткнулся носом в угол и громко храпел.

Диокл вопросительно взглянул на опциона. Тот кивнул и показал Диоклу толстую палку в руке. Снаружи громко заиграла труба.

— Подъём! — закричал Эпиус и тут же принялся лупить палкой по нерадивым дежурным. Те спронежья подскочили и тонко заверещали. — Я вам покажу, как спать на посту! — орал опцион, лупя палкой по плечам новобранцев. — Что стоите?! — свирепо рявкнул он остальным. — Живо на улицу, — он потряс перед испуганными лицами провинившихся палкой. — И вы, лентяи, тоже!

Вновь бег, оставшие. Только Диокл больше их не подгонял, он всего лишь мысленно фиксировал, кто на что способен. Потом заплыв, короткий завтрак. Диокл раздумывал, чем сегодня их займут: опять муштрой или всё же начнут упражнения с оружием, но не угадал. Сам центурион Секстий Бакул в сияющем на солнце шлеме явился за ними. Опционы подошли к нему, что-то доложили и удалились, а он повернулся к новобранцам.

— Сегодня у вас будет памятный день. Его всегда помнят. Напра-во! Марш!

Три декурии старательно соблюдая строй и такт, шагали вслед за центурионом. Диокл краем глаза успевал заметить площадки с учебными станками, рвами и тренажёрами. Половина из них уже была занята старшими новобранцами. Одни размахивали деревянными мечами и наскокивали на столбы, другие, облачённые в тяжёлое снаряжение, пытались вскочить на лошадей. Лошади брыкались и издевательски ржали, опционы орали и хохотали одновременно. Диоклу так захотелось скорее сюда, в эту гущу боевых упражнений, многими из которых благодаря Келаду он уже овладел, но Бакул вёл их мимо, через весь этот старый огромный лагерь. Наконец они пришли к мощному и крепкому ангару с множеством маленьких зарешёченных окон под самой крышей. Под широким козырьком, рядом с дверью дежурил солдат, раза в три старше новобранцев, с густой, коротко постриженной чёрной бородой и загорелой кожей. Он опирался левой рукой на стоящий у ног овальный щит, а в правой держал копьё. Из-под копыя виднелся короткий меч, висящий на поясе. Шлем у солдата был кожаный, а панцирь — из грубой материи, крупно стёганный и твёрдый на вид. Он смотрел прямо на них и равнодушно молчал, делая свою работу.

По команде центуриона все зашли внутрь мимо часового. Когда глаза привыкли к полумраку, раздался дружный приглушённый «ах»! На стенах огромного зала висели флаги, стяги, трубы и барабаны, луки, копыя, причудливо изогнутые и длинные двуручные мечи, секиры, дубины, непривычной формы шлемы, доспехи, ярко блестящие даже из-под толстого слоя пыли. Новобранцы построились у свободной стены и пожирали глазами всё это военное богатство, Бакул терпеливо прохаживался перед строем, как бы давая возможность вжиться в обстановку, и не сразу поднял вверх руку.

— Внимание! Слушать меня, — центурион бережно снял с себя шлем и поставил на столик у дальней стены. Диокл впервые видел его без шлема, с ёжиком коротко стриженных седых волос, с волевыми складками на худых скулах, с паутиной морщин вокруг глаз. — Курс обучения новобранцев нашего легиона всегда начинается здесь. Это не склад оружия. Здесь на стенах трофеи, завоёванные доблестью нашего легиона в многочисленных битвах в интересах великой Римской державы. Ешьте глазами, впитывайте ушами — быстрее станете солдатами. Итак, запоминайте! Легион — это главная боевая единица Рима, а солдаты-легионеры — элита армии Рима. В каждом легионе 60 центурий или 30 манипул. Манипула — это две центурии. Шесть центурий и, соответственно, три манипулы составляют когорту. Запомните, птенцы, для вас любой командир — всё равно что бог, но страшнее тот, что ближе, а это центурион! В каждой манипуле есть два центуриона: главный — примус — и его заместитель — постериор. Лишь в первой когорте центурион один, хотя первая когорта по численности в полтора раза больше остальных. Кто мне может ответить, почему?

Бакул выжидательно осмотрел новобранцев, те молчали.

— Потому, что в первой когорте служат самые лучшие и опытные солдаты! Им доверяют самые ответственные задачи, именно они охраняют орла — легионный символ. В бою вокруг них собираются остальные легионеры, и они последними покидают поле битвы, если на то складывается воля богов. Ещё в легионе есть конница и вспомогательные войска, а также иммуны и принципалы, освобожденные от повседневной службы, — Бакул строго оглядел притихших новобранцев. — Каждому из вас уготована разная судьба, и только лучшие станут легионерами, но каждый станет солдатом.

У нас есть много интересных занятий для нерадивых или упрямых, например, растить и кормить свиней, пасти скот и доить коров. В легионе нет бесполезных солдат, все работают на победу, даже те, кто в руках держит не меч, а кирку или лопату. Это всем ясно?! — еле слышный гул был ответом, но он вполне устроил центуриона. — Отлично. Тогда вот вам ещё для памяти. Легионеры в когортах делятся на три типа: принципы, гастаты и триарии. Они различаются набором оружия и местом в боевом строю, — Бакул многозначительно поднял вверх палец и добавил: — Но не доблестью! — он оглянулся. — Эпиус!

— Я здесь, центурион Бакул! — послышалось из глубины зала.

— Вы готовы?

— Да!

— Везите.

Послышался скрип и бряцанье. Из глубины широкого коридора в их сторону двигалось странное сооружение: деревянная рама на маленьких колёсиках. Видимо, она была тяжела, так как её толкали все три опциона. Когда конструкцию подкатили и шумно развернули перед строем, то горящим взорам новобранцев открылась висящая на ней различная амуниция и оружие римской армии. Центурион бережно снял с конструкции короткий меч в ножнах из двух деревянных пластин, скрепленных бронзовыми полосами, медленно оголил клинок и поднял его перед собой. Диокл, как и все, заворожено смотрел на широкое лезвие с острым концом.

— Это гладиус! — Бакул взвесил меч в руке. — Такой меч сотни лет исправно служил римской армии. Он удобен, изготовлен из отличной стали. Им можно рубить и колоть, что особенно важно в ближнем бою. Он и сейчас используется отдельными видами войск, его носят преторианцы и офицеры... но времена меняются, — центурион вернул меч на место и снял другой, длинный и узкий. Его лезвие было уже, но заметно толще. — Теперь в бою чаще используются такие мечи. Колоть ими неудобно, зато легче отбиваться от конницы, — Бакул повесил на место и этот меч. — Сегодняшние враги Рима не цивилизованные армии, а в основном дикие всадники. У них есть копья, луки и такие вот мечи, — он кивнул на изогнутый меч на стене, заострённый лишь с одной стороны. — Ну, вы ещё об этом узнаете.

Бакул вынул из захватов копье величиной чуть выше человеческого роста с длинным наконечником. Его древко почти по всей длине было обмотано плотными рядами толстой верёвки, нижний конец копья тоже имел металлический наконечник, только короткий. Центурион аккуратно прислонил его к передвижной раме и снял копье поменьше. Оно было внешне похоже на длинное копье, только значительно короче и тоньше. Следом он достал другое, по величине такое же, но не обмотанное верёвкой, тонкий длинный наконечник вставлялся в деревянное конусообразное гнездо.

— Это пилумы, тяжёлый, средний и лёгкий. Первый — оружие гастата, остальные, их в бой берут сразу не менее трёх штук, — оружие принципа. Тяжёлый пилум — и для боя, и для метания, а средний и лёгкий в основном для броска. Видите? — Бакул показал маленьким пилумом на наконечник большого. — Острие и там, и здесь зазубрено и сделано из незакалённого железа. Когда такое копье попадает в щит или панцирь врага, оно застревает, а потом сгибается. Освободиться от такого копья в горячке боя практически невозможно, — Центурион вернул копья на место. — Вы будете изучать приёмы владения и мечом, и пилумом. А защищать вас будут доспехи. Здесь исчат образцы: кольчуга и наборный панцирь. Такие одеяния вы купите себе не сразу, они хороши, но дороги. Зато вот этот панцирь, — центурион ткнул в одеяние, один в один схожее с доспехами солдата на входе, — вам будет доступен. Он изготавливается из нескольких слоев стеганого грубого полотна и пропитан солью, — Бакул постучал по доспеху, звук был глухой, каменистый. — Твёрдый, как камень, может выдержать даже рубящий удар. Ну, поехали дальше. Вот шлемы. Они тоже разные. Лучше всего, конечно, металлические, но и шлем из толстой кожи сбережёт в бою вашу голову. Поможет сберечь солдатскую шкуру и добротный щит. Но надо правильно понимать, какой щит на что годится. Вон их сколько! — Центурион указал наверх. Там висели щиты разной формы и величины: прямоугольные, овальные, круглые, большие и маленькие. — Видите прямоугольный изогнутый щит? Это skutum — основной щит легионера. Другие щиты используют вспомогательные войска, гвардия, конница. У каждого есть свои особенности и приёмы использования. Например, большим и тяжёлым skutumом можно не только отражать удары, но и самому разить противника, если хорошенько въехать ему верхней кромкой щита.

Вдали послышались шаги Эпиуса. Бакул взглянул на него и кивнул. Опцион вышел на середину и крикнул:

— Напра-во! Марш! — новобранцы с некоторым запозданием повернулись и пошли. — Не топайте, а то ангар рухнет! — прикрикнул Эпиус.

В следующем зале стояли орудия — машины. Секстий Бакул стоял в сторонке, а

опцион Эпиус принялся подробно рассказывать новобранцам о стреломётах и камнемётах. Потом он подозвал двоих новобранцев к катапульте, и те под его командой принялись орудовать рычагами. Жгуты машины скрипели и наливались энергией. Скоро Эпиус отодвинул в сторону новобранцев и выбил стопор. Ковш катапульты молниеносно взвился вверх и со страшным стуком врезался в верхнюю перекладину.

— Если бы здесь лежал камень, то в крыше была бы дырка.

Подошёл центурион Бакул.

— Эти машины наводят ужас на врага, ни один доспех или щит не устоит против дротика или камня. Уметь ими пользоваться — задача каждого римского солдата, — он повернулся к опциону. — Спасибо, Эпиус. Урок окончен. Веди птенцов на кормёжку.

Глава 11

Потянулись однообразные дни, наполненные усталостью и желтеющими листьями. Утренние пробежки стали привычными, так же как и заплывы в холодной речке. Опционы гнали новобранцев в стужёную воду в любую погоду, не внимая их стонам и крикам. К тому же теперь туники и бражки не снимали, после заплывов новобранцы в мокрой одежде бежали обратно в лагерь, и над их строем поднимался пар. Тела юношей закалялись, грубели, мышцы наливались силой. После всегда одинаково скудного завтрака начинались тренировки.

Диокл пытался заснуть, но сон не шёл, мешали воспоминания. Он уже целый месяц вёл самостоятельные занятия по приёмам с мечами, помогал своим подчинённым научиться во всей солдатской амуниции взбираться на лошадь и управлять ею при помощи одних ног, так как руки заняты щитом и копьём. И тому, и другому он научился от Келада.

Первое время Эпиус, показывающий приёмы с мечом, ругал его, так как Диокл постоянно искажал некоторые движения. Однако однажды на занятия его декурии приехал сам префект легионного лагеря Теренций Памфил. Вместе с центурионом Секстием Бакулом они пристально наблюдали за новобранцами, изредка о чём-то переговариваясь. Эпиус волновался, чувствуя спиной взгляды начальства и покрикивал на своих подопечных чуть чаще и чуть громче, чем обычно. Новобранцы выходили, нервничали, ошибались. Дошла очередь и до Диокла. Видя, как его товарищи выполняют привычные движения с ошибками, он постарался выкинуть из головы все посторонние мысли и страхи. Он так долго тренировал своё тело, что оно должно было действовать без участия разума. Диокл поднял плетёный щит, утяжелённый металлическими полосами и деревянный меч, также обитый с двух сторон металлом. Такое учебное оружие весило раза в два больше настоящего. Диокл подошёл к столбу, изображающему противника и встал в стойку. «Начать!» — крикнул Эпиус. Шаг вперёд, щит вверх, меч перед собой, потом горизонтально вверх, отступ, лёгкий прогиб — укол, резко и сильно, и вновь в начальную позицию... Диокл старательно исполнял заученные движения, вдруг Эпиус громко прокричал:

— Смирно!

Диокл услышал, как торопливо скрипит песок под торопливыми шагами опциона. Он развернулся лицом к начальству.

— Аве, благородный господин префект лагеря! Девятая декурия...

— Аве, опцион Эпиус, — прервал доклад воина спокойный хрипловатый голос префекта. — Я вижу, что твои уроки, солдат, старательно заучены новобранцами.

Теренций Памфил обвёл новобранцев гордым взглядом, от него прямо-таки веяло величием. Взгляд префекта остановился на Диокле.

— Эпиус, это лучший твой ученик?

— Лучший, благородный господин!

— Что ж, хорош, — Теренций обратился к Диоклу: — ты быстрее можешь?

— Могу, благородный господин, но иначе.

— Иначе?

— Да, как привык.

— Что ж, посмотрим, к чему ты привык, — Теренций снял плащ с плеч и остался в рельефном бронзовом панцире, на котором друг на друга смотрели профили пегаса и быка. Префект не спеша отстегнул сбрую, на которой слева висели короткий меч и кинжал в богато украшенных ножнах, и отдал её Бакулу. Эпиус уже протягивал префекту учебный щит и меч. Памфил взвесил их в руках. — Ого! Весомо! Ну что, солдат, — обратился он к Диоклу, — готов сразиться?

Диокл похолодел. Они уже практиковали на занятиях учебные бои друг с другом, но биться с префектом лагеря, третьим лицом в легионе?!

— Я готов, благородный господин префект лагеря! — выкрикнул Диокл и встал в стойку.

— Молодец! Ну, нападай.

Диокл шагнул вперёд, быстро и заученно провёл приём укола, но его противник одним лёгким движением сдвинулся в сторону, лезвие меча Диокла окунулось в пустоту, зато справа на него ярким бликом понёсся меч префекта. Только молодые ноги и невероятная реакция вывели Диокла из-под удара, он даже успел поднять щит. И в это самое мгновение он вдруг вспомнил слова Келада: «Бой, это не урок — это искусство!» А ещё он говорил, что победитель прав, а побеждённый неправ, даже если он делал всё правильно. Эти мысли свободно мелькали в его мозгу, потому что он был свободен и не управлял своим телом. Оно само принялось прыгать и уклоняться, защищаться от мощных ударов префекта и всё активнее угрожать ему, выскивая уязвимые места. Диокл бился, как учил его сармат, быстро, гибко и хитро. Римляне дерутся иначе: чётко, мощно, надёжно. Их стиль хорош в сутолоке боя, среди многих врагов и рядом с множеством соратников. «Римляне славные воины, — говорил Келад, — но лишь единицы из них — искусные воины!» О, последние два года Диокл изо дня в день бился с могучим Келадом, получая синяки и царапины от его деревянных мечей и копий. И сейчас его тело это вспомнило!

Теренций Памфил ощутил сладкую ярость боя. Его противник — высокий и сильный юноша — уходил от ударов! Более того, он явно искал бреши в его обороне! Ещё немного, и этот юнец перейдёт в наступление. Ну, нет, это надо заканчивать! Префект сделал шаг влево, дождался реакции Диокла и тут же, прекратив своё движение, молниеносно развернулся вокруг своей оси и со всего маха поразил новобранца в голову поверх щита... Но деревянный меч наткнулся на меч Диокла! Тот выставил его за спину, предугадав удар Памфила. В бою, в шлеме, он бы отразил нападение, но здесь меч префекта слишком мощно ударил, и Диокл по инерции получил удар по голове своим же мечом. В глазах потемнело, он упал на одно колено, но тут же был подхвачен сильными руками Теренция.

— Ну, мальчик мой, ты как?

Диокл потряс головой и выпрямился. В ушах ещё звенело, но в глаза уже не сыпали искры.

— Всё в порядке, благородный господин!

— Молодчина! — префект отдал Эпиусу учебное оружие, надел своё, пристегнул плащ. — Встань в строй... — Памфил повернул голову: «Диокл», — с готовностью шепнул ему Бакул. — Диокл, я запомню твоё имя. Вам, — префект оглядел новобранцев, — сегодня повезло. Очень повезло. Вы увидели правдивый рисунок боя. Он не похож на ваши тренировочные бои, потому что рядом со смертью разум медлительнее тела. Диокл, как мне рассказал Бакул, несколько лет занимался с опытным бойцом и преуспел. Да, он уже сейчас может идти в бой, но только он. Опцион Эпиус учит вас главным приёмам, а жизнь научит вас правильно их применять: быстро, точно и без опозданий. Ни секунды промедления! Будьте старательны здесь и тогда будете жить в битвах. Эпиус!

— Я здесь, благородный господин!

— Хватит теории и пустых упражнений, пусть сражаются, а ты показывай им солдатские секреты.

— Я готов приступить, благородный господин!

— Приступай, — Теренций повернулся к Секстию Бакулу, — центурион, я очень доволен, веди меня дальше.

Эпилог

Прошло четыре месяца. Теперь, когда их учёба подошла к концу, Диокл с улыбкой вспоминал, каким героем чувствовал себя тогда, как восхищались им его товарищи, как рассказывали о нём легенды, как оглядывались на него украдкой за завтраком. Тогда он впервые ощутил сладость почитания. Именно в те дни он понял, что отныне, чтобы быть первым, не пожалеет ни времени, ни пота, ни крови!